

Круглый стол «Философ и время. К 100-летию со дня рождения В.С. Библера».

Аннотация: Воссоздание не только образа жизни и образа мысли выдающегося философа XX в. Владимира Соломоновича Библера (1918–2000), но и образа мыслей его учеников, сподвижников, слушателей, не ставших его сподвижниками, состав мышления которых образован сказанным Библером, продуманным Библером, оспоренным внутренним и внешним диалогом с ним, составляет существенную часть и современного мышления. Участники говорили об особенностях его творчества, о смене стилей («пере-выборе себя», как определил это состояние П.Д.Тищенко) на протяжении его жизни, о проблемах «конца философии», о соотношении всеобщности и необходимости, Я и Другого и, конечно же, о его «круге» - о составе его семинара «диалог культур», о проекте Школы «Диалог культур», о вышедших его книгах и о философах, историках, историках науки, поэтах, входивших в состав семинара. Его логика – это философская логика культуры, под которой понимается не археология, не содержание прошлых, сложившихся эпох или даже нашей эпохи, а граница логик, потому что культура собственной территории не имеет. Культура - это сопряженность характеристик каждой эпохи, ее внутреннее средоточие в определенной рефлексии, выраженной через произведения.

Ключевые слова: В.С.Библер, культура, диалог, наукоучение, диалогика, мышление, высказывание, всеобщее, индивид, личность, произведение

Круглый стол состоялся 26 декабря 2017 г. в Институте философии
РАН, Москва.

Модераторы – С.С.Неретина, П.Д.Тищенко.

Выступали:

Неретина С.С.– Краткий очерк концепции диалога культур

Тищенко П.Д.– Биография В.С.Библера как опыт радикального выбора себя

Маркова Л.А.– О диалогике Библера

Тищенко П.Д.– Перечитывая Библера (чтение как отображение смысла и/ или его конструирование)

Гутнер Г.Б.– О всеобщности, тексте и произведении

Шеманов А.Ю.– О библеровском понимании философской логики

Мурзин Н.Н.– Диалог культур и поиски новой интеллектуальной оптики

Длугач Т.Б.– Библер: о наукоучении

С.С. Неретина. Краткий очерк концепции диалога культур

У нас сегодня праздник: мы собрались, чтобы отметить надвигающееся на нас столетие со дня рождения Философа и Книжника – Владимира Соломоновича Библера, которое мы - и те, кто у него учился, и те, кто попал под обаяние его философии, его личности, будем отмечать 4 июля 2018 г. Для тех, кто его не знал или знал мало, я кратко напомню его *curriculum vitae*. Он окончил исторический факультет МГУ в 1941 г., учился там в философской группе, ибо философского факультета не было: он образовался лишь во время войны, в декабре 1941 г., в Ашхабаде, куда был эвакуирован университет и когда в состав МГУ вошел знаменитый ИФЛИ – Московский Институт философии, литературы и истории. По окончании учебы попал на войну, затем был аспирантом в Институте философии. В злопамятную эпоху космополитизма был реально выслан в Сталинабад (современный Душанбе), где работал в Таджикском государственном университете. По возвращении в 1959 г. преподавал в Горном институте. Затем работал в Институте истории естествознания и техники АН СССР, оттуда перешел в сектор методологии истории, организованный М.Я. Гефтером в Институте истории АН СССР. Мы туда пришли вместе и нас одним приказом зачислили, кроме Библера, Анатолия Сергеевича Арсеньева, Лину Борисовну Туманову и меня. Как только организовалась философская группа (в секторе из философов работал и И.К. Пантин, он сейчас работает в нашем институте), Библер сразу начал вести семинар, и в этот семинар сразу пришло много людей: Анатолий Валерианович Ахутин, Яков Абрамович Ляткер, Тамара Борисовна Длугач, Людмила Артемьевна Маркова, Михаил Семенович Глазман, Вадим Львович Рабинович, который поразительно трепетно относился к судьбе Лины Тумановой, сразу забивший тревогу, когда книга ее, подготовленная после ее смерти, едва не пропала, посвятивший ей стихи о «ноте Ли», которая «выводит музыку своей судьбы». «Но случилось, нота Ли пресеклась на полукрике». Конечно, это боль наша - Лина, заключенная в Лефортовскую тюрьму за письмо в защиту академика А.Д.Сахарова. Но он, Вадим Рабинович, беззаветно любил и «Соломоныча», которому тоже посвятил не одно стихотворение. В последнем были такие строки: «Но есть, но был, но будет Соломоныч, / как 19 октября, / июль четвертый дружбе нашей в помочь / до без числа и аж до мартабря».

Сектор Гефтера был разогнан фактически в 1968 г., официально – в 1969 г., но еще год влачил неофициальное существование, хотя за ним была закреплена отдельная комната. Разогнан же сектор был не за то, как я где-то я прочитала, что Гефтер неверно или неаккуратно написал в какой-то статье о нефтяной промышленности начала XX в., а за его направленность. Это, во-первых, был сектор *методологии* истории, реально – *разных* методологий, который показал, что методология может быть не только марксистской (читали доклады структуралисты, прежде всего - Вяч.Вс. Иванов, последователи школы «Анналов», прежде всего – А.Я. Гуревич, мыслители-филологи и прежде всего - С.С. Аверинцев и многие другие). Во-вторых, в секторе были предприняты попытки всерьез прочитать К. Маркса. Владимир Соломонович (далее ВС) тогда впервые выступил с докладом о Марксе, потом доклад преобразовался в статью, а затем вышел отдельной брошюрой – со спонсорской помощью одного из благодарных почитателей ВС из Кемерово. В-третьих, разгон, сопровождаемый

разносом, был - конкретно - за книгу «Историческая наука и некоторые проблемы современности», которая была первым после 1930-х гг. сборником, специально выносившим некоторые проблемы на обсуждение. Этот дискуссионный сборник в момент свертывания процесса десталинизации стал сигналом к введению в действие механизмов давления на авторов и сотрудников сектора, а заодно и на методологию истории как таковую¹.

Формально Библер был переведен в другой сектор, затем ушел в Институт общей и педагогической психологии АПН СССР, где к его семинару присоединились психологи: Ирина Ефимовна Берлянд, Наталья Григорьевна Малахова, Роман Романович Кондратов и другие. Почти постоянный участник – группа философов, сотрудничавших с Марком Борисовичем Туровским, спор с которым продолжался долгое время. Были и непостоянные слушатели или даже «одноразовые» докладчики на семинаре, но не было незаинтересованных. Из тех, кого я помню и знаю, это - Григорий Борисович Гутнер, Андрей Вячеславович Родин, Юрий Львович Троицкий, Эмилия Николаевна Волкова, Людмила Михайловна Косарева, Георгий Дмитриевич Гачев. Семинары были двух видов: доклады и чтение оригинальных философских текстов с подробным их комментированием.

В 1991 г. Библер создал группу, которую финансировал тот же кемеровский почитатель-предприниматель. Эта была совершенно независимая, негосударственная группа Библера, которую он назвал Школой диалога культур - АРХЭ, именно тогда это название впервые появилось как официальное. Помимо психологов, туда были приглашены Анатолий Ахутин и я. Удивительно, но нам и зарплату платили. Анатолий Валерианович при этом ушел из Института философии, а я работала одновременно в двух местах. Я думаю, это время было счастливым для Библера: он стал полностью независимым человеком, хотя творчески независимым он был всегда, но появилась своя лаборатория... а это очень много. Она располагалась в здании РГГУ, не будучи зависимой, повторю, ни от РГГУ, ни от какой другой государственной институции. Лишь позже, когда исчезла возможность финансирования (это же были тревожные 1990-е), РГГУ благосклонно взял эту группу на собственный баланс. Я, однако, в 1994 г. ее покинула. Но время действия независимой группы АРХЭ и по сей день считаю удивительным, светлым временем. На конференции тогда собиралось огромное количество участников, прежде всего, учителей из разных городов – от Харькова до Красноярска: С.Ю. Курганов, А.Г. Вольнец, Н.И. Кузнецова, В.Ф. Литовский, В.И. Касаткина, И.М. Соломадин и др. Надо было заниматься размещением «семинаристов», договариваться о месте проведения семинаров. Как это делали – в основном - наши психологи, до сих пор «точка удивления». В то время многие из нас, я, во всяком случае, поддались «на слабо»: нас пригласили работать в школу, сказав: у вас Школа диалога культур, вот и извольте ваши программы применить практически. И мы работали: Григорий Борисович Гутнер, Александр Павлович Огурцов, Юрий Викторович Чайковский, Наталья Васильевна Вдовиченко, Андрей Вячеславович Родин. Я работала в Культурологическом лицее пять лет, Григорий Борисович еще

¹ См. подробно о секторе: *Неретина С.С.* История с методологией истории, или Конец истории // *Неретина С.С.* Точки на зрении. М.: РХГА, 2005. С. 15–76.

больше. Мы этой школе отдали довольно-таки много сил и энергии. Был словно такой призыв: профессура в школу! Мы с ребятами написали книгу «Верующий разум. Книга бытия и Салический закон». Я до сих пор считаю ее одной из лучших - не себя, учеников 10-го класса. ВС работал там не щадя живота: составлял планы работ, план каких-то гуманитарных занятий, читал доклады и лекции, проводил семинары. Он составлял и план работы философского факультета РГГУ, и мы до сих пор этим пользуемся: первый курс полностью изучает античность (греческий язык, греческую историю, греческую философию), второй курс – латинский язык, латинскую, в основном средневековую христианскую, философию, историю и так далее. Третий курс - это Новое время, предполагалось, что на пятом будет происходить как бы общий диалог. Конечно, все это пошло не так, потому что утрясти расписание очень трудно, необыкновенно трудно, но замысел чувствуется...

Группой АРХЭ стал издаваться «АРХЭ. Культурологический ежегодник». Я была редактором первого выпуска, где опубликовала статью «Одиссея философия культуры», где было написано и про Библера, и про Бахтина. ВС мне подарил книгу «От наукоучения к логике культуры» (он мне в разное время подарил две эти книги - одну в апреле, другую в декабре) с подписью «Дорогой Свете этот краткий очерк концепции диалога культур, материал для последующих глав “Одиссеи культуры”». Редакторами остальных были А.В. Ахутин и И.Е. Берлянд. Они же были и издателями и комментаторами двухтомной книги «Замыслы» (М., 2002), вышедшей через два года после смерти Владимира Соломоновича и к которой А.В.Ахутин написал послесловие.

А до этого вышли:

О системе категорий диалектической логики. Сталинабад, 1958.

Проблемы развивающегося понятия (в соавторстве с А.С. Арсеньевым и Б.М. Кедровым. М., 1967).

Мышление как творчество. М., 1975.

Нравственность. Культура. Современность. М., 1988.

Самостояние человека.

Кант – Галилей – Кант. Разум нового времени в парадоксах самообоснования. М., 1991.

Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991.

От наукоучения - к логике культуры. Два философских введения в XXI в. М., 1991.

Цивилизация и культура. Философские размышления в канун XXI века. М., 1993.

«Предметная деятельность» в концепции Маркса и самодетерминация индивида. Кемерово, 1993.

Век Просвещения и критика способности суждения. Дидро и Кант. М., 1997.

На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М., 1997.

Мне хотелось бы также упомянуть еще две вещи: прежде всего, самоотверженную работу ВС над созданием книги Л.Б. Тумановой, архитектором которой он являлся; его редакторскую работу в изданной в нашем Институте книжечке «XVII век, или Спор логических начал» (М., 1990) – он был автором ее удивительного замысла: каждый из нас выступал в роли какого-либо мыслителя XVII в. (он сам – в

роли Спинозы, Ахутин – в роли Паскаля, Туманова – Лейбница, Ляткер – Декарта и т. д.) и внутри собственной головы должен был прочувствовать тяжесть мысли своего собеседника.

Я помню обсуждение трех его одновременно вышедших книг (модератором был А.П. Огурцов), в котором участвовали «семинаристы» и люди, которым была близка философия ВС. И я мало помню (это печальная страница) какое-либо широкое обсуждение его книг. Я плохо знаю, сколько рецензий выходило на его книги, и какие это рецензии, кто был их автором... Я сама писала на «Мышление как творчество» в журнал «Декоративное искусство» (там эту книгу у меня благополучно украли). В журнале «Дружба народов» было помещено мое интервью с ним стараниями Юрия Семеновича Герша, который знал и Библера, и Гефтера еще по историческому факультету МГУ. Заметки о нем – в книге «Философские одиночества». Писали о нем Л.А.Маркова и Т.Б.Длугач. Стараниями А.В.Ахутина и И.Е.Берлянд создан сайт «Библер и вокруг», опубликована книга «Владимир Соломонович Библер» в серии «Философия России второй половины XX века» (М., 2009) с участием А.В. Ахутина, И.Е. Берлянд, П.Д.Тищенко, К.А. Павлова и Л.А. Гоготишвили - к этой книге Ахутин написал послесловие.

Но были и лекции в больших аудиториях, куда ходили гурьбой. И были попытки, правда, не всегда удачные, споров с Марком Борисовичем Туровским и его группой.

ВС активно участвовал в «Московской трибуне» - на форуме интеллигенции во время перестройки, ходил на демонстрации, не упускал ничего из того, что подбрасывала жизнь в последнее тревожное десятилетие века, даже за границей побывал с докладами. После тягостного для нас 2000 г. Ира Берлянд, позвонив мне и сообщив о его уходе, сказала: «Мы осиротели». И мы, знавшие его, ученики или те, кто, как пишет Википедия, испытал его влияние, друзья, действительно, осиротели.

Хочется сказать: слова «философ, живи незаметно» - это о нем, но и это не вполне верно, он как-то прочно ушел вглубь. Вот выходят многочисленные «Диалоги культур» даже без упоминания его имени, хотя он - автор самого этого термина, а чаще даже не зная о том...

Вот этим я хотела бы предварить наш семинар, или наш Круглый стол.

П.Д. Тищенко. Биография В.С. Библера как опыт радикального выбора себя

Хочу немного добавить к сказанному Светланой Сергеевной о творческом пути Владимира Соломоновича (далее – ВС). В его биографии одновременно присутствует и завораживающая цельность личности, и потрясающие по своей глубине разрывы. ВС относился к тем редчайшим в этом мире людям, которые, отвечая на исторический вызов порой безжалостной и переменчивой судьбы, могли совершить радикальный выбор, или, точнее, пере-выбор *себя*. Подчеркну - не места, средств или жизненных обстоятельств но, именно, - *себя*. Хотя, конечно же, этот выбор себя, как обретение новой «точки» опоры, позволяло переопределить жизненный мир в целом со всеми привходящими внешними обстоятельствами. Но в результате, внешняя биографическая

канва разрывалась, возникали уходящие к основаниям его человеческого существа трещины и распады...

Для меня принципиально важно, что подобного рода радикальный выбор *себя* возникал не на пустом месте, но был всегда ответом на вызов конкретной исторической ситуации, преломленной через свою личную в неё включенность, увиденной через призму этой ситуации осново-полагающей трагедии. В результате жизненных перипетий рождался новый «автор» и той книги, которую именуют *био-графией*, и конкретных философских произведений.

В своём выступлении остановлюсь на пяти жизненных перипетиях ВС.

Окончание летом 1941 года исторического факультета МГУ (Светлана Сергеевна об этом говорила) практически совпало для ВС с призывом в армию. Судя по пересказам воспоминаний ВС его племянником С. Цлафом (к сожалению, не очень точным) ВС принял войну как исполнение своего долга. Эта была *его* война не в том смысле, что она ему нравилась, а в том, что он видел *внутреннюю* необходимость стать воином. Свободное знание немецкого языка стало причиной его направления на курсы СМЕРШа в группу, специализировавшуюся на борьбе с резидентурой СС. Отзывы с места прежней службы в СМЕРШе на аспиранта Библера, имеющиеся в архиве ИФ РАН, свидетельствуют о нём как хорошем, инициативном, пользующимся доверием и уважением у коллег офицере.

Я рассматриваюприятие войны *в качестве выбора ВС себя* постольку, поскольку она (война) раскрывает возможность *быть собой* небывалую для мирного существования. Мир раскалывается и обнаруживает *себя в свете* (просвете) жесткого различия на своих и врагов. Максимально уничтожается в человеке чувство ценности личной жизни, требуя от него постоянной и безусловной готовности не просто отдать эту жизнь за родину, но и совершить массу поступков, которые в ситуации мирной жизни им самим будут справедливо оцениваться как безнравственные, варварские, недостойные человека... Осознанно участвовать в войне - значит обнаружить и удерживать в себе фундаментальную пропасть между *мною* как винтиком машины войны, исполняющим приказы, и *мною* как единственным неповторимым существом, которое никакой приказ не освобождает от личной ответственности за совершенное.... Эта апория само-сознания *себя* как участника войны определяет поэтику первой рассматриваемой мною страницы *био-графии* как произведения жизни. Для меня важно, что центром (началом) этого произведения был не автор, а частное лицо – ВС. Жизнь этого частного лица на фронте сохранил и в прямом, и в переносном смысле томик И. Канта. Защитил не только от эсесовской пули, но и от растворения в варварской стихии войны.

Война закончилась. Возникла новая жизненная ситуация, позволившая ВС опомниться, т. е. вспомнить своё философское образование и призвание, вспомнить иного *себя, себя как философа*. ВС прилагает невероятно рискованные усилия, игнорируя свои служебные обязанности с тем, чтобы заставить начальство, которое не собирается терять ценного сотрудника, уволить его из армии. Дать возможность стать аспирантом Института философии... Он пере-выбрал *себя*, он хотел стать аспирантом Института философии. И он все-таки из СМЕРШа вырвался, вырвался из Берлина с кучей книг. У него потом даже были проблемы, зачем ему столько немецких книг

нужно? Это был один из важнейших переломных моментов его жизни. Думаю, что неслучайно в центре его понимания идеи культуры, как и идеи нравственности стоит радикальный *выбор себя*. Превращение жизни в ответственное произведение. В этих философских идеях позднего периода своего творчества, он выговаривал свой глубоко личный опыт.

В результате рискованного ответственного поступка возник *автор* философских произведений. Этот автор, сбегавший с передовых позиций борьбы с вражеской агентурой, занимает место в рядах борцов с буржуазной идеологией, ревизионизмом. Можно упомянуть характерный заголовок публикации из «Философских записок Института философии» 1948-го года «Поход господ шумахерцев против демократии и социализма». Тому же автору принадлежит кандидатская диссертация В.С. Когда в начале 1990-х годов в Институте философии происходили странные события (уничтожались архивы), мне удалось раскопать в груде документов и диссертаций на выброс кандидатскую диссертацию В.С., которая по объему была где-то около 400 страниц. Тот же язык автора – борца с «шумахеровцами». Стиль, словарь, обороты речи, которых не только у него, но и у завязтых борцов с буржуазной идеологией уже к началу 1970-х годов прошлого века не сохранилось. Сейчас никто на этом языке уже не говорит. Но в этом борце с ревизионизмом в какой-то исторически конкретный момент частный человек (В.С.) возник в результате героического усилия заново как *сам*, создав ещё одну страницу своей биографии и воплотившись как весьма специфичный автор диссертации и первых публикаций. Потом идеологизированную позицию такого вот «автора» В.С. подвергнет уничижительной критике с позиций автора идеи личной ответственности как трагического выбора себя в горизонте культуры...

К счастью для В.С., начавшаяся борьба с космополитизмом не позволила ему раскрыть и творчески развить свои способности в качестве автора – идеологического борца. Он не смог в Москве найти работу по специальности. Поэтому, получив приглашение от друзей, переехал в Сталинабад. Этот переезд обозначил новый перелом в жизни В.С., новый радикальный *выбор себя*.

Происходит этот выбор себя как *ответ* на очередной *вызов* судьбы. Родившийся в голове «великого учителя», разоблачивший подлинную «сущность» В.С. окончательный и не подлежащий пересмотру *приговор* – «безродный космополит, *то есть* еврей» в голове философа пере-осмысливается, ставится с «голова на ноги» самостоятельного мышления как формула самосознания – я философ еврей, *т. о. есть* космополит, безродный гражданин мира, в речи которого этот *мир* обретает себя впервые...

Автор как непримиримый борец с «шумахеровцами» исчезает и возникает совершенно иной, говорящий на ином философском языке – космополитическом языке диалектической логики. Человек Библер тот же, а автор Библер – иной. В его языке звучат Маркс и Гегель. Светлана Сергеевна упомянула сталинабадскую книгу тех лет «О системе категорий диалектической логики». Выскажу свое личное мнение. Тенденция, возникшая в конце 1950-х - в начале 1960-х годов, строить системы категорий диалектической логики имела серьёзные философские мотивации, связанные с новой исторической ситуацией. Помню интересные дискуссии в школе М.Б. Туровского о возможности построения системы категорий диалектической логики.

Работы самого Туровского, а так же его учеников и моих первых учителей философии Вячеслава Владимировича Сильвестрова и Леона Семёновича Черняка несли в себе дух творческого марксизма и системности. ВС был убеждённым коммунистом. Напомню, что партбилет ВС не сдал и после развала СССР. Время шло, он ходил на демонстрации, он посещал либеральные клубы, но партбилет у него хранился дома. Это принципиально важно для понимания его основного произведения – его биографии.

Думаю, что для таких коммунистов, честных и принципиальных марксистов коммунистического толка конца 1950-х - начала 1960-х годов очень важно было попытаться построить систему категорий диалектической логики с тем, чтобы сохранить *себя* именно как марксистов. Обратиться к некоторым первоисточкам марксизма, Марксу ранних произведений. К началам. Представьте, что, начав с некоторого элементарного начала (Ильенков, к примеру, предлагал начать с понятия «товар»), в котором как элементарной ячейке воплощена вся последующая система диалектики, можно воспроизвести эту систему в целом. Марксизм в его логической целостности. Здесь были разные подходы, но важен следующий момент: дело в том, что если мы начнем правильно и правильно логически воспроизведём всю систему категорий диалектики, то есть всю внутреннюю структуру марксизма из её собственных оснований, то мы, мягко говоря, отставим в сторону, как не имеющие отношения к существу дела, все эти решения пленумов, съездов партийных, всю эту идеологическую болтовню, в атмосфере которой они все тогда жили.

После XX съезда для многих философов-марксистов возникла глубоко личная задача: необходимо было вылущить живое содержания марксизма из кучи всяких мерзостей, преступлений и окаменелостей сталинизма (из себя, впитавшего и пережившего свою эпоху), чтобы спасти и живой марксизм и *себя*, свою *самость*. Нужна была живая, развивающаяся система как противовес идеологической схоластике. В системе всё связано, в неё нельзя попасть снаружи. Она как щит от маразма. Слава богу, у Ленина нашлись слова в защиту диалектики и Гегеля. Опираясь на его авторитет, ВС, Туровский, Ильенков, Батищев и многие другие начали осваивать это проблемное поле. Именно здесь возникает в моём рассказе третий вариант жизненной биографии, третий вариант *себя* ВС.

Лично для меня знакомством с ВС стала встреча с другим автором - автором трёх глав в книге «Анализ развивающегося понятия» под ред. Б.М. Кедрова. Несколько раньше вышла его статья в «Вопросах философии» «Понятие как процесс» (1965), но я с ней не был знаком. Я читал книгу «Анализ...» в Ленинской библиотеке. Заодно заказал сталинобадскую книгу. Разные книги, разные «авторы». Не мог понять их связь... В «Анализе...» осталась диалектика как логика, позволяющая застичнуть *понятие* движения в *движении* самого понятия, осмыслить зеноновские апории как всеобщую форму представления любого движения в качестве пространственного перемещения, но исчезла система. Это был автор, размышляющий о началах науки, наукоучения. Конечно, автор «Библер», понимающий философию как исследование первоначал научного разума, потом менялся, однако возникновение совершенно другого автора (пятого в моей экспозиции), совершенно другого философа происходит тогда, когда его заочным собеседником становится М.М. Бахтин. Происходит радикальное преобразование философского взгляда на мир. Поэтику этого

преобразования описывает библеровская присказка – формула, о которой Светлана Сергеевна уже говорила или скажет, «те же и Софья...». Тот же автор, ВС, вступив в беседу с Бахтиным, открывает для себя новую вселенную особой логики гуманитарного мышления, столь же всеобщую как и логика научного разума, а следовательно возникает пере-открытие *себя*. Рождается автор идеи культуры как диалога культур... Светлана Сергеевна об этом авторе рассказала достаточно подробно.

Разные произведения ВС – это разные вселенные, каждая из которых почти не пересекается с другими. Но все они входят внутрь особого рода произведения – биографии Владимира Соломоновича Библера. Было ли что-то связывающее это произведение в нечто целостное? Предположу, что на это целое указывает несданный партбилет, но не как свидетельство о членстве в коммунистической партии, которую уже при его жизни стали относить к преступным организациям, а как знак верности *делу революции*... Революция и Библер по сути и по смыслу ровесники и современники...

Неретина: На мой взгляд, это очень важная кривая, обнаруживающая стилистические разломы у Библера. Если ни у кого нет вопросов, я хотела бы зачитать сообщение Людмилы Артемьевны Марковой, одной из первых участников семинара Владимира Соломоновича, которая не смогла присутствовать на «круглом столе». Она прислала его по электронной почте. (Читает).

Л.А. Маркова. О диалогике Библера. Диалогике Владимира Соломоновича Библера, несмотря на всю её значимость, нельзя назвать революцией. Само название его философии, диалогика, свидетельствует об этом. Диалогическое общение требует собеседника, оппонент не уничтожается, не разрушается «до основания». С ним ведётся разговор, в ходе которого некоторые детали, и не только детали, могут уточняться, обращаться лицом в будущее. В истории науки сохраняется логическое и историческое значение побеждённой в ходе дискуссии теории, но она становится маргинальной. Классическая наука, вместе с её базовым основанием – истинностью и объективностью знания – продолжает функционировать и даёт соответствующие результаты. Но она уже не является точкой роста науки. В философии Библера (и не только в его диалогике, а и в контексте общей трансформации мышления конца прошлого века) совершается серьёзный поворот в научно-исследовательской деятельности. В классической науке изучалась природа (в самом широком смысле слова) как существующая независимо от человека и его деятельности. В полученном новом знании по возможности устранялось всё, связанное с человеком. В философии Библера, наоборот, полученный результат представляет интерес с точки зрения его автора. Кто автор, в каких условиях, в каком контексте он его получил. Если та или иная проблема решается разными учёными, в разное время и в разных условиях, то полученные результаты неизбежно будут отличаться друг от друга. Полностью устранить все особенности исследовательского процесса, связанные с человеком, невозможно. В классической науке эти особенности и многие другие, не связанные напрямую с решаемой проблемой, просто игнорировались, не принимались во внимание. Однако нельзя не согласиться с тем, что, решая задачу известным способом,

используя признаваемую всеми теорию, каждый делает это немного по-своему, не так, как другой учёный в другой лаборатории. Такие различия неизбежны и в ряде случаев они могут привести к созданию новой теории, более успешно справляющейся с возникшей трудностью. В не-классике на первый план выдвигаются именно эти характеристики процесса, индивидуализирующие его и рождающие творческий акт. Мышление становится творческим. Впрочем, по мнению Библера, мышление всегда творческое, иначе это просто механическое повторение какого-то правила или закона. Именно поэтому он говорил, что не очень удачно название его первой книги, «Мышление как творчество», получается что-то вроде «Масло масляное».

Новый тип научного мышления зародился в науке в ходе научной революции начала прошлого века. У философов это мышление вызвало ожесточённое сопротивление, прежде всего, по той причине, что такие базовые понятия науки как истина и объективность стали проблемными. На эту тему возникали острые дискуссии, и сторонникам нового мышления было непросто отстаивать свои позиции: что же это за наука без истины? Мало кто мог решиться утверждать, что это возможно. Обычно уклонялись от прямого ответа на этот вопрос. Но в рамках диалогии ответ мог звучать вполне убедительно: классическая наука вместе с истиной и объективностью сохраняется, но становится маргинальной.

Внимание к автору научного исследования и его деятельности сближает науку с искусством. Не случайно второе название философии Библера – культурология. Действительно, когда мы смотрим на картину художника, нас интересует в первую очередь, кто её создатель, и только во вторую – что на ней изображено. Чем отличается оригинал картины от её копии? Копия может только повторить то, что делает её произведением именно этого художника. Художник *сотворил* картину, создал её творческим актом с самого *начала*. Каждая творческая мысль имеет своё начало, начал много, и общение между ними и есть способ связи между научными теориями, новой и старой, между произведениями искусства (спор логических начал). Понятие начала играет важную роль в философии Библера. В этом понятии содержится парадокс, который формулируют и Библер, и Делёз, каждый по-своему, в рамках своей философии. Если речь идёт о науке, то начало научной мысли должно содержать проблему, требующую решения. Но если имеющаяся в распоряжении учёного логика не может справиться с задачей, необходимо выйти за пределы логики в эмпирическую реальность. В начале нет ещё чёткого разграничения субъекта с его логикой и эмпирической реальности, где логики нет. Виттгенштейн говорил, что если вы не можете логически что-то объяснить, лучше ничего об этом не говорите. Но в прошлом веке создавалась новая логика, совету Виттгенштейна многие не последовали. В эмпирической действительности можно найти основания любой логике. Классика базируется на общем, на обобщении. Французы и англичане – люди. Это их обобщает. Но они говорят на разных языках. Это их различает, и это уже важно для диалогии. Известно, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Но также известно, что Петербург стоит на реке Нева, вчера стоял, сегодня стоит и завтра будет стоять всё на той же реке Нева. Поэтому нельзя сказать, что классика устарела, она имеет свои основания в эмпирической действительности, как и не классические формы логики, в том числе диалогика Библера.

Новый тип научного исследования влияет и на научную политику. Вернее, должен влиять. Связано это, прежде всего, с тем, что радикально меняется отношение теоретического и прикладного знания. В классической науке, в связи с тем, что научные идеи максимально освобождались от всего, связанного с человеком, существовала чёткая разграничительная линия между теоретической и прикладной наукой. Связь между ними существовала только в форме социальных заказов как взаимодействие результатов развития научного знания и социума. Наука выполняла или нет эти заказы в зависимости от наличия или отсутствия соответствующих своих возможностей. Сейчас развитие самой науки нередко порождает определённые проблемы в социуме. Сосредоточение мысли в *начале* деятельности, где нет ещё чёткого разделения мысли (субъекта) и производственной, социальной потребности (предмета) ставится и решается одновременно и научно-теоретическая и технико-социальная задачи. Об этом писал Б.Г. Юдин. По-видимому, в планировании не следует исходить из деления науки на теоретическую и прикладную.

Для философии Библера понятие пространства имеет большее значение, чем понятие времени. Это объясняется тем, что в этой философии первостепенное значение имеют отношения между событиями, предметами, сосуществующими в современности. В том числе и его собеседники прошлого (Библер ведёт диалоги со многими философами разных исторических времён) встраиваются в нашу современность, ведут беседу так, чтобы быть понятыми. Вспомню ещё раз Ж. Делёза, который, будучи и историком философии, как и ряд других философов наших дней, тоже отдавал предпочтение пространственным отношениям.

Неретина: Есть ли вопросы? Нет? Слово Павлу Дмитриевичу Тищенко.

Тищенко: Перечитывая В.С. Библера (чтение как отображение смысла и/или его конструирование)

Думаю, что чрезвычайно сложно начинать разговор о философии Библера в целом, даже если это целое понимать с вершин логики диалога культур. Как и в отношении любого другого философа остаётся вопрос – существует ли автор, о котором ведётся речь в *моей* речи, до моего, вашего, любого другого читателя опыта чтения? Вне этого опыта? Позволю себе такую шутку, что вообще, если мы читаем какой-то текст, то в отношении к этому тексту *как бы* встаем в двойную позицию. Мы, по-мужски, в этот текст вкладываем смысл, которого там не было, доводим его до ума, обобщаем в смысле со-общаем с другими доведёнными до ума изначальной загадочности бытия для мысли смысла. Либо, по-женски, порой в том же самом пробеге речи, *вы-ражаем* смысл якобы полученный нами от автора... У Анатолия Валерьяновича (Ахутина) есть превосходное место, где он, рассуждая о Спинозе, буквально сообщает нам, что, для того, чтобы понять Спинозу, нужно его довести до ума. Сам Спиноза не вполне *себя* понимал. Лишь идея ума, принадлежащая вдумчивому читателю, позволяет увидеть смыслы самим автором неразличимые, но ему от века принадлежащие. То же самое, я думаю, получается с любым текстом, в котором мы либо пытаемся разъяснить не вполне ясное, дорассказать недосказанное

автором, снять какие-то противоречия, восполнить какие-то его недостаточности, становясь соавторами, изначально обладающими венаходимостью...

Или, опять же, вторая позиция. Читая текст, мы, естественно, полагаем, что вычитываем то, что он нам говорит, вне зависимости от нашей отсебятины... Это принципиально разные позиции, но не в том смысле, что одна верная, а другая неверная, а в том смысле, что это две равноправные формы разыграть (осмыслить) одно и то же действие чтения как понимания. Чтобы создать такие мощные и рискованные абстракции, как античный разум, средневековый или новоевропейский разум, ВС пришлось занять позицию *над* всей этой многоголосой философской и богословской текстурой. Обобщить и сообщить эти голоса друг другу в идее изначальной для каждой культуры особой загадочности бытия, расслышав споры голосов, *которых не было, но дотянутые до начала, эти споры стали возможны и необходимы... как если бы были от века даны*. А с другой стороны, мы должны вычитывать *то, что* нам сообщает любой «этот» античный, средневековый или новоевропейский текст, не добавляя от себя... Мой текст или моя сопровождающая авторскую речь, речь читателя – что это? «Микроскоп» или «телескоп», позволяющий разглядеть иначе невидимое глазом? Или в моей речи смыслы «автора» расплавляются, а затем отливаются в новой *возможной* для него, но *не известной* ему форме? Понять - значит уметь разобрать и построить заново?

Поэтому лично для меня возникает концептуальное затруднение. Вот передо мной книжка ВС, книжка «Замыслы», опубликованная уже после его смерти. В ней центральное место, по крайней мере, из перспективы моего здесь-сейчас рассуждения, занимает доклад о конце философии, который был прочитан в ноябре 1999 г. в канун нового века и тысячелетия, и, фактически, за полгода до дня его смерти. Какую мне позицию занять как читателю? Пересказать своими словами написанное им? Какой смысл – вот он текст. В нём то, что сказал автор, причём сказал не моими словами, а своими собственными, уже присутствует. Начинать с ВС сходу спорить, дополнять или уточнять его? Попытаться «по-библейски» понять в поставленных им проблемах, загадках то, что он сам не расслышал? Это чрезвычайно затруднительно отчасти ещё и потому, что в его сложной, содержащей множество аллюзий и обертонов, порой внутренних рассогласований речи чуткое ухо учеников (я лишь читатель – собеседник) найдёт всё то, что ты поторопишься высказать как свою новацию... И вообще, каков смысл удвоения речи о смысле сказанного автором в тексте отклика на этот смысл в речи другого? Не того другого, который творчески, во внутренней речи пишущего соучаствует в создании произведения, а совершенно неизвестного «человека с улицы»? Но если вне этого чужого отклика авторский смысл может и вообще не существует?

То, что мной сказано - это не отступление, а для меня подход к существу дела. Дело не столько в том, чтобы прояснить свою позицию перед текстом произведения, но и ввести в разговор тему разрыва между произведением и мной, его читателем... Переосмыслить наши роли.

Доклад, указанный в объявлении, «О конце философии», лично я воспринимаю, как своеобразное философское завещание, потому что в нем ВС попытался сформулировать, как он, конечно, понимал, ситуацию наступления какого-то нового этапа философии, или даже, возможно, её гибель. Он пишет: «Итак, сегодня я хотел

немного поразмышлять о конце, а если говорить не так страшно, о кризисе самого философского мышления в канун XXI века». Ноябрь 1999 г., понятны аллюзии. «Это будет некоторый как бы диалог оптимиста и пессимиста, но основным оратором и основным участником диалога будет пессимист». И при этом он сразу пытается отслоить себя от голоса пессимиста, подчеркивая, «[э]то не означает, что это мое альтер эго, что я совпадаю с ним, но это определенная позиция в отношении особого предельного кризиса самого философского мышления в конце XX – канун XXI в.». Я думаю, что в данном случае ВС не стоит верить на слово. На самом деле, то, как строит свою аргументацию «пессимист», фактически воспроизводя определенные положения его философии, звучит совершенно не со стороны, совершенно узнаваемым голосом ВС.

В этом завещании первое положение – идея *кризиса*, позволяющая различить возможный конец и, или - с надеждой, - возможное *иное* начало философии. Философия всегда в кризисе, это её имманентное состояние именно постольку, поскольку она пытается развернуть речь к началам бытия и самой речи. Кризис не то, что между двумя состояниями, а то, что внутри философствования, как его движущее начало. Но как мне представляется, ВС хотел бы сказать, что сегодняшний кризис *иной*. Более *радикальный*. Но опять же, возвращаясь к голосу ВС, который приписывается пессимисту... Это вообще-то обычный литературный прием – создать *персонаж*, в которого вложить свою речь, свои собственные слова, обороты, интонации, словосочетания и отказаться от него как от *себя*. Только остаётся проблема – как в голосе персонажа своей внутренней речи расслышать речь другого с улицы, расслышать голос другого – твоего друга, с которым ты десятки лет знаком? Легко и увлекательно добиваться внимания и понимания Платона, Аристотеля или Гегеля (потому что они всегда говорят *моим* голосом!) и совершенно невозможно расслышать, о чём говорит реальный другой. Светлана Сергеевна уже упоминала о неудаче попытки содержательного разговора между ВС и М.Б. Туровским. Людей близко друг друга знавших, уважавших, признававших, но радикально не понимавших друг друга. Предположу, что для каждого из них речь другого была сплошным «не туда, не о том, и не так говорением». Они не понимали друг друга не из-за того, что кто-то из них был «глуп» или заблуждался, но потому, что они по-разному понимали истину, но одинаково *пред-*понимали - что истина может быть лишь одна... Одно «всеобщее» в моей внутренней речи как голос *моего* альтер эго... Но ведь это проблема беседы с любым реальным другим, которого нельзя перевернуть в *персонажа* своей речи... Ему не посоветуешь сначала научиться читать (слушать) *меня*... Возникает какой-то новый кризис, и я предположу, что зоной этого кризиса является пространство «между», связывающее и разделяющего автора и «другого». Это первый момент.

Далее, пессимист повторяет известную мысль ВС - в XX в. наступает конец наукоучения. Эта мысль достаточно понятна, но мне хотелось бы её уточнить, связав с другими опасениями ВС. На Западе философия как наукоучение завершилась в гуссерлевской школе, по крайней мере, если не обращать внимание на позитивистскую философию, связанную с ней философию науки, аналитическую философию... В Советском Союзе формой самообоснования науки выступал марксизм, прежде всего идея диалектики как логики. Думаю, что главное здесь заключается в том, что наука

перестала рассматривать себя в качестве «факела», выражаясь гуссерлевским языком, который освещает путь культурного развития всему человечеству. Естественно, что и философия, бьющаяся над самообоснованием научного знания, над её (науки) предельным онаучиванием, теряет в значительной степени свой экзистенциальный смысл. Вопрос не в фактических неудачах различных проектов самообоснования науки. Их можно было дальше множить. Пропал экзистенциальный смысл этим заниматься. Возникает кризис научного рационализма, сопряженный с кризисом идеи возможности создания единой философии как общего основания для совместной работы разных философов... Примерно в то же время в самой науке исчезает интерес к осмыслению собственных оснований. После захватывающих дух предвоенных споров вокруг оснований новой физики, наука теряет к ним интерес, становясь разработчиком всё более эффективных технологий. Этот аспект волнует ВС. Его озадачивает, что наука торопливо отводит взгляд от оснований, обращая основное внимание к практическим применениям знаний. Наука становится другой – технаукой, реализует завещанное Марксом – не объясняет, а думает, как изменять мир.... Постпозитивизм на свой манер осмысляет это обстоятельство как провал демаркационистских программ, смысл которых в том, чтобы очистить научное знание от ненаучного. Это сделать оказалось невозможно. Следовательно, в научном знании всегда уже есть содержание, которое принципиально гетерономно, заимствовано из-вне и должно, именно поэтому, стать предметом социологических, экономических, историографических, психологических и иных прояснений... Философия как самосознание науки этих оснований разглядеть не может. Отсюда возникает столь непонятная адептам классического рационализма «междисциплинарность».

Есть ещё важный поворот в становлении науки иной. Центральная для познания внешнего мира и самосознания субъекта классической эпохи идея причинности замещается идеей корреляции, вещь становится невидна как фокус своего эмпирического представления, а на ее месте обнаруживаются «пакеты» больших данных... Это другой мир по ту сторону идеи каузальности, в котором может не оказаться места для идеи само-детерминации... Скорее - само-повтор..?

Изменения в существе науки непосредственно затрагивают и нас, тех, кто работает в социальных и гуманитарных «науках». Тот гуманитарный разум, о котором размышляет ВС, так же остаётся где-то в прошлом... Не переступает порог XXI в. Его (ВС) философские собеседники, его поэты, воплощающие голос (поэтику) культуры, не считая Бродского и некоторых «фронтвиков», относятся к довоенной эпохе... Сегодня другая поэзия и поэтика слова. Но о поэзии и поэтике в иной раз...

Сейчас вернусь к идее кризиса наукоучения и науки. Гуманитарная наука стремительно технологизируется, не только производя некие технологии для образования, пиара или ещё чего, но и в том, что у неё кроме формальных технологий (ритуалов) не остаётся ресурсов для самоидентификации. Мы все кандидаты, доктора наук, наш институт работает в системе Академии наук, от нас требуют публикации текстов, в журналах, входящих в международные индексы цитируемости, как и от естественников. И это не только у нас. Философ, который рассматривает себя как образ и подобие *собственно* человеческого в человеке (*homo philosophicus* у ВС), социально оказался *ненаблюдаем*. Мы в обществе позиционируем себя *как если бы* мы были

учёными, т. е. формально сохраняя своё родство с идеей философии как наукоучением. Поэтому социальная цена будет слишком высокая, если мы дружно откажемся от того, что мы ученые, потому что доказать обществу, что есть какая-то особая стихия, какая-то особая форма деятельности, которую можно назвать философией, и она ему зачем-то нужна, - это чрезвычайно сложно.

Поэтому невозможно (в социальном смысле) отказаться от ритуалов присуждения степеней и званий, *защиты через публичные обсуждения* тезисов диссертаций и др. формальных процедур, так или иначе берущих своё начало в средневековых университетах. И в философских, и в научных, и в богословских диссертациях сохраняются в той или иной степени одни и те же рубрики: новизна, актуальность, материалы и методы, методология, задачи, и так далее, и тому подобное. Сохраняются тезисы, выносимые на защиту, на *спор*... И в этом споре соискатель *себя* как кандидата или доктора наук должен доказать своё авторство – *звание* - как его называть, свою *степень* в иерархии голосов. Ритуалы нас напрямую соотносят с началом нашей формы науки, т. е. со средневековыми университетами, поскольку эти тезисы вывешены, и мы должны их защищать. И главное защищать не только тезисы, но и само пространство дискуссий и обсуждений, пространство *рес-публики*. Это и есть форма публичного применения разума – общение учёного с публикой через свои произведения. *Горизонтальное* общение с равными, и главное, - разными. Несмотря на обычное преобладание халтуры, в науке сохраняется небезразличное отношение к авторству. И не только «Диссернет» воюет за добросовестную науку... Это общемировая война против плагиата, фабрикаций, фальсификаций, имитаций... Постмодернисты поторопились с тезисом о смерти автора... Идея авторства продолжает определять смысл существования человека как учёного, который через произведения общается, сообщает себя другому. В науке как институте (её ритуалах) сохраняется, поддерживается, хотя порой лишь тлеет *спор как начало*, как угли в очаге культуры... И четкое воспроизведение ритуалов науки, зародившихся в спорах на греческой агоре и сформировавшихся в сохранившейся для нас форме средневековых университетов, является *необходимым условием возможности* современной науки как таковой. И это принципиально важно в ситуации, когда происходят радикальные преобразования самой идеи науки...

С идеей кризиса наукоучения и самой идеи науки у ВС связаны два серьёзных опасения. Он видит две серьёзные угрозы. Во-первых, это проблема кризиса рационализма и широкое распространение самых разных иррационалистических доктрин. Разум потерял опору в науке... А точнее говоря, в «себе» как науке... Ответом ВС на этот вызов является переоткрытие разумом «себя» в гуманитарной логике культуры, логике диалога культур... Но библеровский «пессимист» этого открытия не видит постольку, поскольку его увлекает математическая логика. Он торопливо множит логические исчисления, отворачиваясь от парадоксов, которые определяют его собственные начала...

Это - вторая угроза, неразрывно связанная с первой... Разум, забыв о своём первородстве (философской логике по ВС), превращается или забывает *себя* в исчислениях, в логиках новых машинных инструментов, заменяющих разумение...

Здесь позволю себе, как бы отскочив в сторону, критическое соображение. В этом беспокойстве проявляется основная особенность, а следовательно, и ограниченность библеровской мысли. Мысль как бы не замечает внутреннюю плотность и, я бы сказал, предрасположенность к формообразованию материи слова и речи. Нельзя понять смысл «Критики чистого разума» без учёта формообразующей (ограничивающей и дарящей ресурс выражения) роли школьной формальной логики его времени. Откуда берутся, к примеру, его категории? Или из какого источника разворачивается диалектическая система Гегеля с её самодвижением в триаде «понятие, суждение, умозаключение»? Или это «леса» мысли, которые потом можно отбросить? Новый тип философии возникает сегодня именно постольку, поскольку соучаствовавшая в порождении форм мысли логическая материя слова становится иной, математической. Здесь вызов «всей предшествующей философии», как сказал бы Маркс.

А так - во все времена были философы, занимавшиеся анализом и классификацией понятий, суждений и умозаключений... И их, безусловно, было больше по числу, чем тех, кто пытается развернуть мысль к началам... Не в этом кризис, а в том, что плотность мысли, её скелет становится другим... Речь не идет о том, что логика математическая каким-то образом исключает логику философскую, просто у философской логики возникает другой скелет... Формальная логика, если использовать выражение ВС, является особой цивилизационной вещью, такой, как рояль для Бетховена является условием возможности особых произведений, их потенциального богатства и ограниченности...

В заключение своего выступления вернусь к его началу... Философия культуры ВС неразрывно связана с идеей произведения, с идеей автора, с адресованностью текста читателю как соавтору, с идеей поэтики речи... Как я понимаю существо дела, основная особенность (а следовательно, и ограниченность) идеи произведения у ВС заключается в том, что для него телос произведения исполняется внутри самого произведения. Другой, к которому адресован текст произведения, – это его (пишущего, говорящего) альтер эго, его внутренний читатель (говорящий слушает себя, беседуя с собой как другим), это соучастник безмолвного разговора души с самой собой перед лицом изначальной загадочности бытия. Этот же собеседник постоянно присутствует и как судья, оценивая удачно или неудачно сказанное или написанное слово. Но как только письмо завершается, то голоса в тексте произведения умолкают. Возникает разрыв, безгласная пауза, которая может никогда и не быть заполнена... Её заполнить, а само произведение *исполнить* (исполнить его телос) может только совершенно другой человек, в руках сохраняющих три дара, от которых зависит судьба (исполнение *себя*) автора. Если молитва перед образом Господа достаточна для спасения души верующего, он в ней уже обретает *себя*. Ему, в принципе, от других ничего не надо. Можно уйти в скит, что не помешает его жизненному исполнению, возможному спасению. Но автор произведения (любого) нуждается в публике (на то она и республика), а следовательно, в другом, его дарах. Это *дары признания, внимания и времени*. Никто не обязан говорящего слушать, а пишущего читать... В этом печальном обстоятельстве мы убеждаемся, обретая совершеннолетие... Начинается борьба за *обретение себя через борьбу за внимание и признание другого*. Борьба за глаз и ухо

другого. Претензия на его время жизни как время чтения или слушания тебя. Этот другой должен пожертвовать именно тебе своё внимание. Сколько всего и всяких других вокруг. Он должен пожертвовать этому другому долю своего чрезвычайно ограниченного времени... Одарить *собой* как читателем. Большая статья или толстая книга (как льстят они нашему само-мнению!) – это большой риск. Риск и для того, кто написал, и для того, кто рискнёт прочесть. Обменять время жизни на время чтения... Мы погружаемся в трагическую мистерию культуры - бескомпромиссной борьбы за ухо, глаз, внимание, время, а иногда и кошелек другого. Толстая книга стоит немалых денег. И даже если повезёт – тебя услышат и прочтут, то совсем не факт, что будет услышано или именно то, что слышал другой твоей внутренней беседы с самим собой. Честно говоря, достаточно неоднозначно, я думаю, каждый из нас чувствует тогда, когда услышит, как другие (студенты, аспиранты, читатели) пытаются воспроизвести более или менее точно вашу незамысловатую мысль. То есть, я имею в виду, что культура в определенном смысле чрезвычайно трагичная вещь, и «автор умирает», это не метафора, это действительно то, что происходит. И будет ли он воскрешен, будет ли обращено вообще на него внимание, будет ли он признан, как тот, с кем стоит разговаривать, это уже большой другой вопрос. И здесь, в речи другого, в произведениях другого возникают совершенно другие авторы. Достаточно взглянуть на историю философии, просто - сколько платонов, сколько аристотелей, сколько философов, столько и платонов с аристотелями. То же верно и про твоих абеляров (глядя на С.С. Неретину).

Неретина: А их нет.

Тищенко: Значит, тебе крупно повезло. На этом закончу, еще раз суммировав то, что хотел сказать. ВС совершенно ясно сформулировал момент кризиса философского мышления. Конечно, это не конец философии, а просто вызов для современного человека – найти, изобрести, создать новую философскую логику, у которой, я думаю, будет просто другой скелет, и этот скелет, действительно, будет связан и с компьютерными технологиями, и так далее, и тому подобное. Мнение оптимиста вряд ли прозвучит и будет услышанным не потому, что люди поглупели, а потому, что у их мысли возникнет другой скелет... Это первый момент. Второй момент, я думаю, в том, что мы должны переосмыслить идею произведения. Жизнь в произведении и через произведения прекрасна, мы действительно общаемся с духами философов прошлых веков через огромную пропасть времени, вмещая её (эту пропасть) в произведение. Но это общение, совершенно не является клонированием автора в форме соавтора. Это всегда рождение не соавтора, а нового совершенно другого автора, который вот этому, написавшему, не известен и не понятен. Я думаю, Аристотель и Платон очень удивились бы, сколько сейчас «платонов» и «аристотелей» существует. Они-то хотели сказать нечто одно, но в другом это одно взрывается и множится... Спасибо за внимание.

Неретина – Есть ли вопросы?

Гутнер: Много тут поворотов, я только на один из них обратил бы внимание: по поводу скелета. Это мое замечание... я не знаю, его обсуждать будет трудно... все же я хотел бы обратить внимание на то, что, вообще говоря, со скелетом - проблема, поскольку в той же математической логике возникают ситуации в каком-то смысле библеровские, их много. И ни одни из них не могут быть скелетом, поскольку между ними вообще отношения до сих пор не выяснены. И вообще в известной мере правомерно то, что, как написано у Библера, логика не выживает, как некоторый единый организм. Я боюсь, что это тоже нужно в каком-то смысле понять по-другому. То есть **логика сейчас превращается, мне кажется, во что-то эмпирическое**, в некоторую попытку воспроизводить то ли определенные структуры языка, то ли еще что-то. И действительно, в математике это произошло буквально с начала XX в. Мне кажется, искать скелет здесь, который станет основой для философии, не получится. Устраивать между ними какой-то диалог и спор начал в библеровском духе? Не знаю, пока такого не было.

Тищенко: Григорий Борисович, большое спасибо! Спасибо за Ваше уточнение. Вы поставили сразу очень много вопросов – я кое-что услышал. Не берусь сказать, что услышал всё и что в услышанное от себя ничего не добавил. Полагаю, что у классической философии и рационализма в целом такой скелет был. Скелет логики суждений и умозаключений, логической архитектоники рассудка. Был, конечно, как возможность, как некое общее пред-положение. В том же смысле общности, в котором мы всегда уже знаем, о чём говорим, например, когда рассуждаем о времени, но... И здесь, мне думается, что философы теряют нить речи (эту внутреннюю связанность, разборчивое соби́рание, которую называю «скелетом»). У классической философии скелетом выступала школьная логика, идущая от Аристотеля. Специфика философских эпох, философских разумов определялась пониманием глагола-связки *есть* (*быть*). У ВС это ясно проговаривается. В герменевтике понимания другого мы активно выдвигаем гипотезы его пред-понимания. И без общей для всех интуиции логики как необходимой формы разворачивания (артикуляции) мысли в речь, этого сделать нельзя. Слушая или читая другого, мы набрасываем смысловые гипотезы. У классической философии такой логический скелет, обеспечивавший понимание как пред-понимание другого, был. Он, конечно, и сейчас есть, но стал иным. В нём глагол связка *есть/быть*, лежащая в основе онто-логики классической эпохи, доопределяется, иногда переопределяется идеей оператора, действия, логической операции... Если в платоновскую школу нельзя было войти без знания геометрии, то, к примеру, Канта или Гегеля невозможно понять без понимания азов школьной логики – откуда у них появляются «категории» как функции единства и т.д. Без школы логичной артикулированной речи и рассуждения философия превращается в глубоководное «гуление»... Хотя и этого недостаточно... Особенно сегодня... Григорий Борисович совершенно прав, когда замечает, что сегодня нет одной на всех логики, что их очень много и они разные. Но когда мы слушаем рассуждающего, мы опережающе за него проговариваем, а это возможно, когда у нас есть более или менее общая культура рассуждения - некий скелет этой логики, бытия в возможности рассуждения. Тогда другого можно как-то понимать. Я думаю, что действительно существует огромнейшая

проблема с логикой, потому что, извините за такую, может быть, грубоватую шутку, но очень часто мне кажется, что современная философия – это огромный дурдом, в котором огромное число палат. Причём изнутри каждая палата помечена как «врачебный кабинет», а снаружи, во взгляде другого, как «палата № 6». Существует огромнейшее несовпадение, разноречие на границах сфер общения и в их внутренних пространствах...

Неретина: Михаил Константинович Петров это называл «коридорной ситуацией».

А.Ю. Шеманов. О библеровском понимании философской логики

Я попробую сказать несколько слов по поводу Вашего только что прозвучавшего доклада. Два момента хотел бы отметить. Вы говорите, что у В.С. Библера непонятно его требование философской логики. А мне кажется, это для него принципиальный момент: обращенность именно на философскую логику. Но только философская логика, мне кажется, для него – это логика обращения к началам, а не построение некоторого скелета. И поэтому логический скелет, собственно говоря, он берет именно для того, чтобы от него идти к началам. Поэтому, когда он говорит, что кончается наукоучение, то только в том смысле, что оно кончается именно как ставящее себе целью обосновать науку Нового времени. Но если говорить об истоках наукоучения, о движении мысли к самим этим истокам, то, вообще говоря, по-моему, для Библера наукоучение нескончаемо, потому что это то, к истокам чего он постоянно устремлен. И эта устремленность входит в спор о началах, где эти истоки, эти начала наукоучения он постоянно соотносит с началами античного разума, с началами средневекового разума, как он их видит и понимает. Это один момент. И в таком движении к началам есть особая логика, а математическая логика строится иначе, и поэтому она, собственно, его здесь не устраивает. Потому что это не логика обращения к началам, а логика выхода из начал, т.е. движения от начал, вот что для него здесь принципиально, как он там формулирует. Это первый момент.

Второй я попробую развить, отталкиваясь от Ваших слов, которыми Вы начали свое рассуждение: Вы задали вопрос, является ли то, что Вы будете говорить, интерпретацией Библера, или это будет Ваша собственная речь. У В.С. Библера как раз в «Самостоянье человека» есть такой большой пассаж, где он обсуждает «жупел интерпретации», который он, таким образом, эксплицирует. Он пишет, что сейчас стало модно, говоря о тексте какого-либо автора, делать оговорку: то, что я рассказываю об этом тексте – это лишь моя интерпретация, а не смысл самого текста. И Библер утверждает, что такая постановка вопроса принципиально недопустима, как раз потому, что для него занятие философа – это движение к началам от чего-то, что я именно воспроизвел, изложил, стремясь к точности, изложил как то, начало чего я ищу. Конечно, в этом процессе движения к началам мысль, представленная в тексте, уже будет изменяться, развиваться, но сначала я должен стремиться взять ее так, как она представлена в тексте, и затем от нее оттолкнуться, но именно, как от нее. И в этой работе Библер анализирует Маркса, рассматривая его на основе текстов Маркса, и,

соответственно, движется к началам Марксовой мысли, как он это себе представляет. Вот у меня два таких соображения.

Тищенко: Спасибо большое. Я полностью поддерживаю то, что сказал Алексей Юрьевич. Но, вероятно, сам я сказал не очень точно, сопоставляя математическую логику с логикой Аристотеля. Разум предшествующих эпох и философий был онтологичен, что как раз и выражалось в осново-полагающей роли глагола-связки *есть* (быть). У ВС есть такое размышление, что если мы возьмем и освободим, опустошим и научный разум Нового времени, и средневековый, и античный от обращенности к началам (от собственно философской логики), то у нас останется в качестве «сухого остатка» логика Аристотеля. Это я и называю «скелетом», цивилизационной вещью по ВС как особенной возможностью произведений (в том числе и философских) состояться. Конечно, в философской логике движения к началу этот «скелет» не определяет направления логического движения, но пред-определяет внятность речи, открытость её содержания другому слушающему или читающему, и самое главное – её *внутреннюю* границу. Нельзя понять ни «Критики чистого разума» Канта, ни «Логики» Гегеля без той школьной логики, которая господствовала в образовании в конце XVIII - начале XIX в. Нельзя в принципе понять философскую логику немецкой классической философии, игнорируя её логический скелет, без учения о понятии, суждении и умозаключении. Заимствованная ВС у Гегеля для понимания предметной деятельности идея телеологии неразрывно связана с определенными фигурами умозаключения. В этом специфика *онто-логики* классического рационализма.

Современный рационализм теряет связь с онто-логикой именно постольку, поскольку школьная логика замещается математической, глагол-связка (суждение как перво-деление) замещается оператором, действием, преобразованием... Мир теряет свою теоретическую выявленность, на место которой происходит его (мира) некоторая *программа* преобразования. Конечно, как правильно отметил Григорий Борисович, современная математическая логика непонятно какая. В нашем институте у каждого логика по несколько логик, так что, действительно, получается игра в бисер, но, вероятно, есть какой-то общий внутренний ритм этой игры, который обеспечивает внятность, артикулированность современной философской речи. Для меня этот момент был важен. Не то что я противопоставляю логику обращенности к началу, логику парадокса, трансдукции и так далее математической логике, полагая, что первой надо взять что-то у другой. Моя мысль немножко другая. Математическая логика не противостоит философской логике, просто философская логика в каком-то внутреннем диалоге с математической должна бы стать другой, не той, которая находилась во внутренней связке, привязанности к аристотелевской логике, к глаголу-связке *есть* (быть). Мир становится *программой*.

Да и само мышление как внутренняя речь по ВС (вслед за Выготским) осмысливается в отношениях между субъектностью и предикативностью, в отношениях, которые становятся другими (бессубъектными, операциональными).

Что касается «жупела» интерпретации, то, как я понимаю существо дела, у ВС эта проблема остаётся нерешенной. В той работе, на которую Вы ссылаетесь, ВС предлагает создать *методологию* или даже *методику* правильного чтения с тем, чтобы

научить потенциальных читателей читать и понимать прочитанное... В этом понимании первый шаг – умение «своими словами» изложить сказанное другим. Письмо изложений. Но изложение своими словами уже нацело погружает другого во внутреннюю речь слушающего или читающего, делает его персонажем этой внутренней речи – более или менее интересной «софьей»... Реальный другой «снимается». Он не понимает потому, что неуч. Помочь ему – научить читать (слушать). В этом желании – требовании в современной жизни не проходит поза учителя. Может быть, именно поэтому философия диалога культур пыталась найти свою практическую реализацию в «школе»? Другой как ученик заранее прикреплен к учителю. И заранее ассиметрично «второй». Учитель из материи ученической души помогает образованию своего образа и подобия... С моей точки зрения, целостная способность восприятия другого формируется до изложений в навыках диктанта как «диктатуры» *дословного* восприятия... (у меня есть несколько вариаций на эту тему под общим подзаголовком – «Метафизика диктанта»²).... В моей внутренней речи как мышлении должна звучать дословно точная речь другого. Я должен слышать не только смысл им сказанного, но удвоенную речь буквальную (в ней сохраняется присутствие другого как вопроса) и мою речь как изложение его смысла...

Н.Н.Мурзин. Диалог культур и поиски новой интеллектуальной оптики

Два вопроса по этим очень интересным темам, даже не вопросы, замечания. Первое – это вечный вопрос, что же все-таки лежит в основании наших различностей, что позволяет нам, несмотря на них, договариваться, понимать друг друга? Мне кажется, это то самое, что вообще НЕ видно ни в какую теоретическую оптику; абсолютно любая теоретическая оптика постоянно показывает нам, что шмель не может летать, а многоножка не может ходить – и, однако же, шмель летает, а многоножка ходит. То есть договор, понимание друг друга, все равно осуществляются, и в человеческом масштабе тоже, в масштабе всего человечества. Но вот насколько можно всерьез рассчитывать на то, что удастся построить такую *дисциплину* или даже *метадисциплину*, такую теорию, которая сможет, через ее оптику наконец-то станет ВИДНО вот эти механизмы, на основании которых люди договариваются и понимают друг друга? Потому что мне кажется, что и само название работы «О конце философии» свидетельствует, что даже через оптику диалога культур и самого создателя этой концепции порой кажется, что это НЕвозможно, что есть кризис, и мы не можем *увидеть* эти основания. Это первое замечание.

А второе касается понятия культуры. Потому что я так и не услышал, если честно, удовлетворительного для меня самого понимания того, почему диалог КУЛЬТУР. Диалог разумов, типов мышления – видно, понятно, почему, но какую роль здесь играет то, что называется словом «культура», если это все-таки нечто большее, чем, как Вы сказали, произведение отдельных индивидуумов, сумма их творчеств? Возвращаясь и закольцовывая с темой кризиса философии: не потому ли кризис философии имеет место, что как раз культура – это не просто разум? Античный разум,

² Одна из статей «Диктант и бытие как дословное» опубл. в: Vox. Философский журнал. 2009. № 6 (vox-journal.org).

средневековый, нововременной базировались на определенном регионе, на определенной культуре. Мы видим, что сейчас в мире по-прежнему сохраняются регионы, мы говорим о первом мире, о третьем мире, о Востоке, о Западе, и мы видим, что в этих регионах есть и индивидуальное творчество, и культура в узком смысле слова, все это происходит, но идейная база абсолютно истрепалась. Все эти регионы до сих пор живут пережевыванием старых каких-то, вчерашних, позавчерашних парадигм. Вот поэтому я бы так сформулировал свое возражение/вопрос: не связан ли кризис философии, то, что с ней что-то не так, что ее предлагается теперь в меньшей степени, как раз с тем, что культуры, о которых идет речь в «диалоге культур», это не просто создания каких-то отдельных творческих умов, их произведений, но нечто большее? Что должен быть достигнут какой-то базис региональный, уже с которого будет предложена какая-то общая почва? Вот, насколько возможно, если я ясно сформулировал, такие у меня два вопроса/соображения.

Тищенко: Идея культуры, присутствующая в произведениях ВС и его учеников действительно, неразрывно связана с историей и судьбой Европы. В этом смысле – региональна. Но как философская идея она претендует на всеобщность... Поэтому исторически или географически проводить границы рискованно. Культура есть там, где есть обращённость разума к своим энигматическим началам. В каком-то смысле мусульмане и евреи сохранили для Европы её античное прошлое, но не просто как тексты или иные произведения, а именно как изначальную загадочность бытия... Несколько позже, европейская культура создала ресурсы для возрождения культур и ближнего, и дальнего Востока. Но опять же не только сохранив что-то из прошлого в качестве документов и памятников, но и вернув наследникам эту изначальную загадочность их собственного «регионального» бытия... Хотя, конечно, философская логика ВС достаточно «акмеистична», замкнута на себя... В ней проблема инакомыслящего другого сведена, извините за шутку, к проблеме бестолкового ученика.

Ограничивает идею культуры как диалога культур так же родившийся в эпоху Возрождения один из навязчивых предрассудков классического европейского самосознания, в последнее время подвергшихся серьёзной разносторонней критике. Я имею в виду историческую линейную тройчатку – античность, средневековье и новое время. Это шоры на глазах любой попытки европейского самопонимания как исторически и локально особенного. Что было до «античности», чем занимались и у кого учились античные мудрецы? Какие культурные процессы происходили, рядом, параллельно? Серьёзно осмыслить всё это богатейшее разнообразие форм *инакомыслия*, а значит серьёзно осмыслить место «другого» как отдельного человека, так и обобщённого голоса другой культуры или эпохи мешает догматически воспроизводимый, устаревший схематизм исторического самосознания.

Г.Б.Гутнер. О всеобщности, тексте и произведении³.

Я, наверное, буду более краток, у меня получилась просто некая реплика по поводу библеровских текстов. Но не исключено, что в этой реплике будет отчасти ответ на... ответа не будет, конечно, но некоторая реакция на... Не знаю, получится или нет, это спонтанно немножко. Я хочу обратиться именно к теме культуры и сказать, что тоже, когда я пытался освоиться с этой категорией в исполнении Владимира Соломоновича, для меня всегда возникала некоторая проблема, даже две. Во-первых, сама культура действительно превращается в некоторый фрактал, такого рода странную множественность, которая вроде складывается из произведений, но, с другой стороны, сама, как единство, производит некий единый разум, или живет неким единым разумом - не знаю, не могу подобрать точное слово... Эту тему я пока отложу, если получится, к ней вернусь, а сейчас я хотел бы начать с другого вопроса, который, в общем-то, пытался задавать не раз в попытках разобраться с самой идеей диалога культур. Допустим, есть культуры и единый разум культуры. И, в общем-то, Владимир Соломонович, действительно, постоянно показывает логику взаимодействия культур. Но здесь есть одна странность, и она, кстати сказать, оказывается крайне важной именно для Библера, это - идея всеобщности, с которой он работает постоянно. Значит, разум должен быть всеобщим. Здесь я вижу совершенно твердую позицию, его, в общем-то, очень последовательную логику. Он по-разному, в разных местах возвращаясь к одной и той же мысли, говорит о всеобщности разума, который в противном случае - вообще не разум. И это как бы ясно именно из той задачи, которая наиболее жестко ставится именно в последних работах, когда речь идет о культуре, я, прежде всего, имею в виду «От наукоучения к логике культуры» и еще ряд текстов 1990-х гг. В них очень хорошо представлен смысл этой всеобщности, хотя, с другой стороны, она остается загадкой. Почему необходима всеобщность? Всеобщность необходима потому, что требуется обосновать собственное начало, или обосновать себя из некоего начала. То есть это - возврат к теме самоопределения. Для XX в., по мысли Владимира Соломоновича, эта тема вообще драматична, трагична, она крайне насущна. Момент самоопределения, самостояния, некоторой автономности, хотя он это слово, кажется, не использует, принципиален. Хотя вопрос, для кого принципиален – для меня, как индивида, для культуры в целом, или для кого-то еще? Я все время вынужден от этого уходить, но, тем не менее, вещь, которая здесь очень логична, если я не всеобщ, я в каких-то кавычках, и, может, без кавычек, то я не самообоснован, я не самоопределен? Я нахожусь в кругу неких внешних детерминаций, которые не позволят мне быть собой? В этом смысле я в поисках своего начала должен развернуть себя до конца и выявить некоторую всеобщую конкретность. Я не могу не констатировать, что Библер в каких-то своих основаниях постоянно остается гегельянцем. Я бы сказал, что он тут совершенно последователен. Вот мое начало обнаруживается тогда, когда я дошел до конца и в этом конце обрел полную конкретность и всеобщность самого себя. Это настоящий разум, и у меня тут нет возражений. Но возникает вопрос, а причем здесь другой, о котором постоянно говорил

³ Это последнее публичное выступление Григория Борисовича: 7 февраля 2018 г. его не стало.

Библер? То есть не значит ли это (следующая мысль Библера), что подобного рода развертывание разума как всеобщего не состоится, если нет другого такого же всеобщего разума, такого же всеобщего, а в остальном совершенно другого? Если этот разум тоже всеобщий, как он терпит рядом другого? Понять я этого не мог никогда, хотя мое возражение, я готов это признать, имеет несколько формальный характер, и в известной мере снимается, если посмотреть на механику, или на схематизм, как любил говорить Библер, этого конкретного развертывания всеобщности. Я, смотря в некоторые его тексты, пытался это увидеть, и какие-то намеки нашел, о них несколько слов и хочу сказать.

На мой взгляд, определенный шаг к разрешению этой загадки появляется именно тогда, когда начинается работа с понятием текста и произведения. Значит, вот, честно скажу, до понятия культуры я все никак не могу прийти, но вот текст, по всей видимости, довольно емкая категория. Ну, я сразу скажу, что наиболее внятно это было прописано в книжке, посвященной Бахтину. Такая своеобразная книга, где Библер вроде бы от себя, а вроде бы от Бахтина, но, тем не менее, вот этот момент всеобщности там представлен довольно своеобразно. Он представлен... Библер, Бахтин, да еще и я сам - непонятно, о ком ты говоришь, и поэтому я очень боюсь, что пропущу какую-то мысль. Я понял, что главное здесь в некотором действии, в некоторой последовательности действий, разворачивающих текст в произведение. Текст есть нечто исходное. Текст - это то, в чем высказано нечто отстраненное от автора, живущее само и вступающее в отношения с другими текстами. Я бы использовал слово интертекстуальность, у Библера его нет, но, наверное, это вполне оправданно, потому что предлог «между» звучит постоянно – существование текста между текстами. В этом смысле текст как бы набирает всеобщность, он набирает всеобщность, как бы вступая в отношения с другим, и только благодаря отношению с другим. Этот текст работает, как своего рода воронка. Он, пользуясь теми поворотами, которые Библер, Бахтин все время используют, [образуют] диалог. Это ситуация, когда идет постоянное вопрошание, ответание, согласие, рассогласование, взаимодействие «между», в некоторых, я бы сказал, пустотах между текстами, где возникают искры взаимодействия, где возникает определенная ситуация обогащения. И текст перестает быть собственно текстом, он становится произведением, втягивая в себя, вообще говоря, все, что угодно – множество других текстов, которые уже ранее написаны, которые пишутся одновременно с ним, которые будут написаны позже, которые как бы только подразумеваются, которые, вообще говоря, могут все к нему иметь отношение. Что удивительно, это реальность, с которой человеку, всерьез занявшемуся каким-то текстом, скорее всего, придется столкнуться. Мне случайно довелось прочитать, совершенно независимо от работы с текстами Библера, интересный анализ текста «Евгения Онегина». И я вдруг понял, какой это ужас. Конечно, «Евгений Онегин» - текст совершенно неожиданный, и, действительно, от него можно многого ожидать, но то, что я в нем находил, благодаря талантливим комментаторам, меня поразило. Чего там только нет, куда там идут отсылки, в какие дебри он нас посылает постоянно, и что он у нас сейчас спрашивает! Это, действительно, какое-то чудо, если всерьез работать с текстом, может быть, так и получится.

Правда, когда говорит Библиер о текстах, он говорит об избранных текстах. Я заброшу сейчас одну удочку, я не знаю, стану ли я там чего-нибудь ловить, но мне интересен этот разговор о текстах, как довольно актуальный разговор. Поскольку, когда Библиер говорит о текстах, мне кажется, он немножко идеализирует роль текста вслед за Бахтиным. Мне кажется, что он, считая текст некой всеобщей формой существования человека, что-то преувеличивает, когда говорит о своем времени, тем более о времени Бахтина. Когда я с этим пытался разобраться, у меня возник вопрос. Не становится ли сейчас это чрезвычайно актуальным? Потому что сейчас мы оказываемся в ситуации невероятного массового продуцирования текстов. И у меня возник вопрос, который может показаться комичным, анекдотическим, но не праздным: когда человек в ютубе вывешивает ролик про своего кота, лезущего на занавеску, он создает текст в том смысле, в котором пишет о нем Библиер, или нет? Исходя из определенных характеристик текста, на мой взгляд, можно отчасти положительно ответить на этот вопрос. Я говорю это чуть в сторону, но, мне кажется, здесь есть, о чем подумать. Не сочтите это за какую-то профанацию. Я вернусь еще к идее произведения.

Действительно, можно представить этот момент всеобщности, которая где-то там возникает. Этой всеобщности, которая возникает именно на стыках, на диалогах, на спорах, на вопросах и ответах, всеобщности, в которую выливаются именно произведения, вот произведение хочет стать всеобщим.

И тут я хочу остановиться, тут вот возникает, мне кажется, очень важный поворот, потому что сам Библиер постоянно говорит о потенциальной всеобщности. У него есть некоторые высказывания о том, что это, конечно, надо понимать, как регулятивную идею, есть некоторые отсылки к тем понятиям, которые как бы очерчивают недостижимый горизонт. Это естественное движение для Нового времени, когда как бы очерчивается предельное состояние. Но мне кажется, очень важен момент не предельного, не потенциального состояния, а действительно существующего. Если на нем остановиться, то получается совершенно иная картина. Мне кажется, необходимо согласиться с тем, что эта потенциальность, эта бесконечность, соответствующая всеобщности, это то, чего не бывает. Это то, что можно каким-то способом конструировать, но это - то, чего нет, и это - ситуация, в которую мы не попадем никогда. А находимся мы в ситуации принципиальной незавершенности произведения, и его завершить нельзя. Это значит, что оно конечно, это значит, что нет ответов на множество вопросов, и, понятно, споры не кончены, и вот только в этой ситуации живет «другой», вот только в этой ситуации «другой» актуален, но актуален не для всеобщего разума, а для некоторого конечного, как сказал бы Библиер, недоразумения, данного вот в том произведении, которое все время сохраняет рядом с собой то, что ему совершенно чуждо. Здесь я бы просто констатировал несколько обстоятельств: во-первых, это означает, что мы не доходим до конца, мы никогда не доходим до конца. А соответственно, мы никогда не обнаруживаем своего начала, а соответственно, если мы следуем библиеровской логике, а я не вижу причин ей не следовать, то мы никогда не будем самодетерминированы, мы будем самодетерминированы в какой-то мере, может быть, незначительной. Во-вторых, не дойдя до своего начала и не будучи самообоснованны, мы всегда должны начинать с

середины - мне кажется, это очень важный момент. То есть мы никогда не застанем себя в ситуации начала. Всякий раз, как только мы начинаем рассуждать, как только мы начинаем создавать текст, как только мы начинаем становиться авторами произведения, мы, сознавая себя в этом качестве, вообще в качестве себя, уже находимся в состоянии середины, в каком-то месте, которое начато не нами, которое создано другими, которое принципиально нам дано. И вот эта данность, это то, с чем мы должны попросту иметь дело и смириться. Здесь опять же мы обнаруживаем «другого» - как необходимость собственного развертывания, собственного создания, произведения, которое мы начинаем, но без «другого» мы его не начнем именно потому, что «другой» предпослан нам. Возникает вообще, страшно сказать, тема зависимости, тема внешней детерминации как необходимости собственной детерминации. Это очень важный момент, если мы остановимся на какой-то конечности. Тут масса тем для тех философских текстов, которые были в XX в. И последнее, что я скажу: мне кажется очень важным такой момент (Библер, по-моему, о нем не писал), довольно важная классическая увязка, которая часто встречается, - искомая всеобщность так или иначе предполагает необходимость. Вообще говоря, связка «всеобщность–необходимость» достаточно естественна для традиционной, гегелевской, допустим, постановки вопроса. И здесь, мне кажется, у Библера эта необходимость тоже где-то начинает светиться. Вот он упоминает, допустим о *causa sui* (то, что я упустил, говоря о самодетерминации). Он как бы говорит о том, что в этом самообосновании я должен понять себя как причину самого себя. Но говоря о причине самого себя, я уже начинаю апеллировать к довольно известным текстам, и я не могу избежать того, что тогда мое существование становится не просто самообоснованным, но еще и необходимым. Что такое причина самого себя? Сущность совпадает с существованием. Происходит что-то такое, когда я всегда есть, нет, я неправильно сказал, когда я есть с необходимостью и никому не обязан своим существованием. На мой взгляд, очень важный момент, который я бы противопоставил этой ситуации, - это случайность существования. Тоже старая тема, но вот в этой ситуации невсеобщности, конечности и обусловленности опять же возникают темы, которые в XX в. так часто воспроизводились! - темы выброшенности, случайности, негарантированности своего существования. И мы от этого, мне кажется, не уйдем.

Вот теперь вернемся к культуре... С культурой сложно, но в этой контекстуальности, о которой речь идет у Библера, в этой принципиальной контекстуальности произведения, и существует культура. В ней я начинаю создавать, что мне предпослано, от чего я зависим. Это, наверное, и есть культура. Это мое последнее предположение в этом сообщении, пожалуй, я закончу.

Неретина: Есть ли вопросы?

Тищенко: Можно я задам вопрос, прочитав Владимира Соломоновича? Просто ты так напирал на всеобщность. Говоря о современной ситуации, ВС пишет: «Исчерпывается как бы античный импульс философии, напряженное сопряжения индивидуального Я и Я – альтер-эго всеобщего, ориентированного на бесконечное вечное бытие, в его исходной вопросительности. Это двойное Я: Я – индивидуальное и

Я – всеобщее, направленное на исходное бытие, на начало бытия, причем, в бесконечности», и так далее. Мне кажется, что библеровская логика – это не диалектика, а антитетика. Антитетика, где все время происходит выявление вопросительности бытия через напряженное противостояние в данном случае Я – всеобщего и Я – индивидуального. Но ни в коем случае не всеобщее.

Гутнер: Я согласен с этим. Во-первых, я упустил важный момент, конечно, который постоянно возникает у Библера: когда он говорит о всеобщности, он постоянно ищет термин, как я понимаю, и, в конце концов, возникает индивидуальность, а еще уникальность; всеобщность и уникальность должны совпасть. И все-таки сейчас я не буду на это возражать, я с этим согласен. Я немножко о другом: я никак не могу и не мог понять, **как** это происходит. То, что он это ищет, я вижу, а вот как это получается, какими последовательностями, какими рассуждениями, я никак не могу уловить. Антитетика – где она совершается, каким образом образуются индивидуальность и всеобщность? Все равно происходит так, что индивидуальность должна достичь всеобщности, или она не состоится как разумная индивидуальность. Не понимаю...

Тищенко (объявляет): Сергей Малков, Институт философии.

С.М. Малков. Огромное спасибо, уважаемый Григорий Борисович, за очень интересное выступление, которое побуждает к размышлениям. Если можно, не могли бы Вы прояснить свое прочтение текстов Библера по двум вопросам. Первый можно сформулировать следующим образом. Я так понял, что «другой» выступает у Владимира Соломоновича в качестве некоего *средства* – другие тексты, другие люди, – для того, чтобы индивиду («Я») достигнуть состояния целостности. Последняя здесь выступает как некая глубинная *цель*, которой озабочен человек, и потому индивид волей-неволей стремится к ней (сознательно или бессознательно – это уже другой вопрос), создавая свой текст. По крайней мере, напрашивается такая интерпретация вашего выступления. Насколько это так? И второй вопрос, тоже связанный с целостностью. Мне кажется, что подобные идеи несколько теряют свою остроту и потихоньку отходят на второй план, когда мы начинаем учитывать такие факторы, как общество и культура, где живет и мыслит индивид. Тогда выясняется, что человек не целостен, он двойственен и порой даже многополярен. Ведь когда люди погружены в конкретную социальную и культурную среду, они каждодневно находятся в состоянии неопределенности, выбора, принятия решений и риска. Здесь напрашивается аналогия с ситуацией, описанной в «Кризисе европейских наук», которую наблюдал и анализировал Э. Гуссерль в 1930-е годы. Тогда целостность выступала в качестве идеала для позитивистов, и, как они полагали, нынешняя несовершенная наука со временем должна будет ее обрести. В противовес этой идее Гуссерль попытался погрузить науку в «жизненный мир», показав, что корни и истоки ее кризиса находятся в оторванности подобных идеалов от реальной науки как части этого жизненного мира. Такая наука никогда не сможет освободиться от него. Не напрашивается ли и здесь та же мысль, что обретая целостность, индивид – в качестве платы за это – что-то теряет, а

именно какие-то свои связи с миром, потому что последний крайне противоречив и многополярен. Спасибо.

Гутнер: Я как-то и не пытался строить апологию целостности. Здесь очень точный вопрос о Библере, кажется, я действительно что-то перегнул в сторону этой всеобщности и целостности, и Павел Дмитриевич совершенно правильно обращает внимание на то, что речь об антитетике, здесь-то то и происходят постоянные столкновения. Мне их очень трудно разрулить. Ваш вопрос мне, честно говоря, кажется довольно трудным, потому что, с одной стороны, этот момент самодетерминации, обретения завершенности у Библера есть, он для него очень важен. И постоянно он сталкивается с совершенно другой задачей, сталкивается с задачей диалога и отношения к другому, сталкивается с тем, что моя всеобщность предполагает мою уникальность и требует уникальности другого. Не только потому, что без того ты не уникален и не всеобщ, а просто потому, что это способ жизни, просто потому, что присутствие другого это есть совершенно определенная константа, которая меня определяет в свою очередь. Постоянное это балансирование или эти постоянные переходы, движение в каких-то парадоксах, вот *это* Библер, *это* бытие на границах. На самом деле ухватить это, отвечая на вопрос после пятнадцатиминутного выступления, довольно тяжело, ибо все время надо объяснять, как это происходит. Я честно сказал, что я, как правило, не понимаю, как это происходит. То есть, я вижу эту необходимость, я вижу это требование, но как оно осуществляется, я понять не могу, пытался что-то объяснить, но не знаю, насколько хорошо я сейчас отвечаю на ваш вопрос. Ваше возражение правомерно, и я готов его принять и додумать определенные позиции. И все-таки рискну сказать, хотя это может быть не очень хорошо по отношению к Владимиру Соломоновичу, и все-таки рискну сказать, что вот эта тема самодетерминации и поиска себя у него является ведущей при второстепенности другого. Может, я чего-то не понимаю, но все время присутствует, и это прежде всего, обращенность к себе и попытка именно себя прояснить. Можно долго говорить о каких-то других позициях, но, наверное, требуется, между прочим, говорить о Библере в контексте разных концепций «другого», которые были в XX в. Их было много. Вот тут было бы много чего интересного, но это уже долгая история.

Неретина: Но здесь другое понятие целостности – это не некая замкнутая структура, с которой имеешь дело. У Библера часты выражения: «Те же и Софья», то есть всегда целостность возникает только в открытости.

Шеманов: Я хотел бы сказать по поводу Вашего тезиса о том, что самообоснование – такой важный момент. Вот здесь, в этом же докладе Библер говорит, что вот «сейчас исчезает научный трансцендентализм мышления... Собственно остановка на процессе мышления исчезает. А ведь дело философствования состоит в том, что мышление становится предметом мышления и тем самым в мышлении выступает бытие как нечто внемыслимое и вместе с тем выступающее предметом мысли – если это античность, если это средневековье». То есть получается, что для него культура – это то внемыслимое, за которое мысль, тем не менее, если она

сохраняет свой философский статус, берет на себя ответственность, спрашивая себя: а какое отношение она к этому имеет, т. е. – как она может отвечать за эти начала. Библер не использует здесь слова «ответственность», это я уже говорю, заимствуя его из лексикона Лиона Семеновича Черняка, который, дискутируя в своих работах с Библером, так понимает конечность мышления, как взятие на себя мыслью ответственности за внемыслимое. И мне кажется, что это отчасти созвучно тому выдвигению конечности субъекта, которую Вы, мне кажется, в своем выступлении, если я правильно понял, предлагаете. Если субъект конечен, то его самодетерминация не может быть абсолютной, она ограничена другим как внемысленным, если это всерьез другой. Но все равно, вопрос-то остается, а какое отношение я сам имею к этому внемысленному, поэтому тут от всеобщности невозможно избавиться, если это вопрос не о безоглядной мысли, а о мысли, которая оглядывается на себя, то есть философская мысль. Спасибо.

Тищенко: Я только процитирую: «Перед лицом исходной вопросительности бытия». Это и есть перед лицом, мне кажется, границы с другим и иным. Граница как энигма, апория, проблема, изумление и есть их место встречи. Вопросительность возможна только как пограничная. Тамара Борисовна, с удовольствием предоставляю вам слово.

Т.Б. Длугач: К сожалению, у меня сломался компьютер, я не знала, что сегодня будет это заседание. Но, поскольку мы очень мало читаем статьи друг друга, я все-таки хочу сказать, что о Библере я написала, во-первых, к 10-летию со дня его смерти (в «Вопросах философии» у меня большая статья). И в «Историко-философском ежегоднике» 2015 г. у меня тоже очень большая статья, которая называется «Бубер, Бахтин, Библер».

Я знакома с Библером Владимиром Соломоновичем, наверное, дольше, чем вы все, я познакомилась с ним в 1964 г., когда еще не было никакого Института истории естествознания и техники⁴, когда еще не было никаких групп. И познакомил меня с ним другой замечательный философ, о котором сейчас, в общем-то, все забыли, Анатолий Сергеевич Арсеньев. Он познакомил меня с Библером, и уже тогда, в 1964 г., я многое от Библера узнала. Он, кстати, был оппонентом на защите моей первой диссертации, кандидатской. Я хочу сказать (я не буду долго говорить, здесь были великолепные доклады), всего несколько слов о том, что меня во Владимире Соломоновиче всегда привлекало. Две вещи. Одна вещь – то, что он сумел разглядеть, что философия Нового времени была наукоучением. Я считаю, что это эпохальное достижение, которое ставит Владимира Соломоновича в один ряд с выдающимися мыслителями Запада. Так оценить философию целого огромного периода как ориентированную на науку и кроме того, показать, что философия этого времени брала из логики науки некоторые вещи, – это, в общем-то, многого стоит. Он показал, что то, что есть у Гегеля, скажем, идея снятия и другие замечательные вещи, – это заимствовано из логики науки. Это, в общем-то, не удалось сделать никому даже из западных философов, и это –

⁴ Не Института не было, а не было Библера в ИИЕиТ. – *Прим. ред.*

замечательное достижение. И второе, что меня всегда поражало и восхищало во Владимире Соломоновиче, это то, что он показывает в отличие от Гегеля, в противоположность Гегелю (все тут говорили об этом, и все, кто не говорил, знают, что Владимир Соломонович и Гегель были оппонентами в своем философском размышлении), это то, что мы должны относиться к прошлому не по Гегелю, не как к снятой стадии, а как к самостоятельному культурному периоду (тут много говорили о том, что неизвестно, что такое культура, но мне кажется, все-таки интуитивно известно, что такое культура, что такое культурное). Вот этого раньше никто из западных философов и мыслителей не сказал. Потом об этом много писал Т.И. Ойзерман, но это уже было лет через 10 лет после того, как впервые это высказал Библер. Эти два замечательных достижения, мне кажется, делают Библера исключительно важной в философском отношении фигурой, не похожей ни на кого из западных мыслителей и стоящей с ними вровень, может быть, даже опережающей их в чем-то. Я в отличие от тех, кто сейчас говорил, а здесь говорили академически и очень хорошо, хотела бы несколько выпречно сказать, что, мне кажется, в общем-то, ни мы, ни тот, кто рядом с нами живет, не оценили значения Библера. Это был гениальный философ, который ни в чем не уступает Хайдеггеру. Я хотела бы просто сказать об этом на этом заседании.

Неретина: Есть ли вопросы?.. Если ли еще желающие?.. Тогда я то, о чем сейчас говорила Тамара Борисовна, разверну немножко в другую сторону. Начну с того, чем она закончила, но с другим пафосом.

Вопрос: почему философия Библера, яркая, ярчайшая, не была воспринята философским сознанием - прежде всего, во время перестройки, когда стали активно исследовать, слушать, транслировать Мамардашвили, Петрова, Щедровицкого, - а потом и вовсе его перестали если не читать, то воспринимать как новую невиданную, уникальную философию? Это удивительно, ибо она глубоко вошла внутрь мышления и учеников, и, повторю Википедию, тех, кто испытал влияние Библера, мы внутренне работаем с ним, потому что забыть сказанное им - невозможно, забыть интонацию – невозможно, как и невозможно забыть его запрокинутую голову (у него, как у Мандельштама, был хохолок, он голову, когда говорил, держал всегда назад - это чисто зрительное восприятие). К сожалению, мы сейчас этого не видим, и никто уже не увидит... И с Библером, с его вопросом о началах логики, с вопросом о начале философии (о чем сегодня мы много говорили), ты никогда не знал, где окажешься. Точнее, допускал, что окажешься в ничто, в нуле форм, как говорил Малевич, содержания и смысла.

Библер знал цель, и он сразу о ней заявил в книге «От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век». Его логика, я это хочу подчеркнуть, его логика – это философская логика *культуры*. Сегодня почему-то никто не вспомнил, хотя вопросы были, что под культурой понимается *не* археология, *не* содержание прошлых, сложившихся эпох или даже нашей эпохи (это оказалось забыто), а *граница логик*, что культура - это Библер говорил вслед за Бахтиным - *собственной территории не имеет*. Если эту пограничность, это предельное напряжение мысли не понять, говорить о диалоге как споре логик бессмысленно.

Термин «культура» у Библера двусмыслен: это сопряженность характеристик каждой эпохи, ее внутреннее средоточие в определенной рефлексии, очерчивающей ее границы, и это – главное – культура как диалог разных культур, выраженных через произведения. Культура существует в напряжении смыслов произведения: произведения личности и произведения, воплощенного в полотне, красках, звуках, в «собственном бытии человека». Она существует меж двух границ: между границами культурных областей и между границами культуры и не-культуры, когда индивид, исчерпавший все свои познавательные-объяснительные возможности, оказывается перед необходимостью самому заново определять себя. Собственно только в этот момент и осуществляется культурно-логическая предопределенность, становится видим тот горизонт, на который ориентируется индивид. Но именно о такой культуре – наш разговор. Если мы сейчас, разговаривая друг с другом, не понимая друг друга, пытаемся нащупать перекрестье взаимности, которое позволит изменить само наше мышление (не мышление о чем-то, а само мышление), мы обнаруживаем себя на границе логики культуры.

Привычка мыслить в ситуации понимания делает трудным восприятие такой взаимности, тем более что поднимаются вопросы о том, что это за точка, пересечение логик, где логика перехода и т. д. и т. п. Над этим работали два крупнейших философа российского XX в. – М.М. Бахтин и В.С. Библер. Один занимался жизнью сознания, другой, опираясь на эту жизнь, – логикой мышления. Можно сказать: Библер сузил идею диалога до логики. Поэтому речь у него о культуре именно как о границе логик, а не о границе сознаний. Если мы на эту – логическую – границу не попадаем, мы не в фокусе философии Библера. Ее нет. Можно привести в пример стереокино, в основу которого положен факт бинокулярного зрения человека и использование при съемке двух объективов. Если в результате фокус не обнаруживается, то наблюдается эффект раздвоения. Цельность и всеобщность философской логики культуры, которая не сводима к познающему мышлению, к гносеологии, именно в том, что это логика *начала* логики, которая актуализируется, как диалогика.

Термин «диалогика» прочно вошел в философский словарь с именем Библера, хотя, если не ошибаюсь, его еще в 1970 г. употребил Микеладзе, говоря о «Топике» Аристотеля – идея столкновения двух логических начал была на кончике языка. Он писал, что Аристотеля занимал метод диалогических обсуждений. Искусство ставить вопросы и давать ответы он называет методологией диалогии, добавляя, что такое словоупотребление он рискнул ввести в отличие от «диалектики» и «диалектический» «по вполне понятным соображениям». Помнится, статью «Что такое “Топика” Аристотеля» мы из «Вопросов философии» перепечатали в только что (это был второй номер) организованном нами с А.П. Огурцовым журнале «Vox». Но, конечно, закрепиться этот термин – как «многоместное множество», «контрапункт самостоятельных Разумов», различных ответов на вопрос «что значит понимать?», «полифония всеобщих форм мышления» – должен за Библером. И связано это, прежде всего, с анализом, как писал ВС, «логически идеализованного текста» (см. «От наукоучения к логике культуры», с. 117).

Говоря о том, что философская логика культуры актуализируется как диалогика, надо понять, что она вместе с тем обнаруживает себя как логика парадокса, как начало

многих логик. Но главное, конечно, что эта одна-единственная философская логика начала есть точка (он говорил: и «почка») возникновения различных логик, их взаимообоснование, или трансдукция.

В другом месте и в другое время я могла бы рассказать, как это происходило уже в средневековье (с его идеей тропологии, слова, поворачивающего ключ рождения исторического мира в той точке, где его шпиль касается, как считалось, вечного небесного мира). Различные логики и возникают из этой точки их взаимообоснования, и именно ее и требуется понять, что она такое. Мне, например, недостаточно объяснения (я где-то прочитала), что это точка, в которой одна... логика, логика одной культуры (при этом я не хочу сейчас говорить, как эта культура означает, какова ее хронология, ее определение), доведенная до предельных оснований, т. е. всматриваемая, умом всматриваемая (умо-зрением) в свое собственное начало для того, чтобы тут же и объяснить себя. То, что она, как иногда объясняется, *внутренне* переходит, на мой взгляд, не тождественно *логичности* перехода, хотя термин «трансдукция» действительно предполагает не столько преобразование, как пишет Библер, а именно переход, который так и можно понять как переход: взял и перешагнул. Ясно, что на переходе она, логика, помещает себя вне того, с чего началось когда-то ее движение, и она должна заново определять себя. Ясно, почему она расходится со своим ходом мысли – больше нет ресурсов, коль скоро она доведена до предела. Но остается много вопросов, почему это – *иная* логика, логика иной культуры, а не та же, но с новыми определениями. Схоласты так и делали: с одной стороны, говорили они, *это*, а с другой стороны – *то*. В точке перехода она действительно расходится с самой собой, но почему расходится с допущением предположения о себе, почему не допускает своего снятия, если нашла иное. Ведь просто сказать, что не снимает, это *ничего не* сказать, или: это просто *сказать*.

В предположенности иной логики действует какая-то невероятная интуиция Владимира Соломоновича, но, как может показаться, не собственно логика (в чем его и упрекали, В.А.Смирнов, логик, называл даже мистиком). Если можно перейти в иную логику иной культуры, нельзя ли допустить, что эти культуры, одновременные в мысли, должны быть одновременны и в бытии (как говорит Владимир Соломонович, «те же и Софья»), чтобы не предоставлять «свободный простор *произволу* мышления», по словам его любимого Гегеля. На это Ансельм Кентерберийский вполне мог бы ответить: «те же и Софья» больше просто «тех же» и больше просто «Софьи».

Интуиция, конечно, грандиозна. Библер действительно слышал голоса и настоящих и будущих философов, и известных, и неизвестных, пытаясь услышать в известном неизвестное. Это вывороченное наизнанку средневековое «желание мыслить неизвестное», совершенно великолепно выражено в «Прослогионе» тем же Ансельмом: ведь запросто можно сказать *несказанное*, хотя и нельзя сказать *то, что* называется несказанным. Это уже действительно вопрос интуиции и «догадничества», без чего Библера, вообще-то говоря, нет. Он вводит эту идею – догадничества – в логику. Если выполнить это, повторю, старое средневековое желание мыслить неизвестное, имевшее в виду Бога, хотя вначале ты вольно располагался в известном, то вскоре уже не понимал, в каком сумрачном лесу ты оказался, ибо самое трудное – увидеть новое в известном. Аристотель задохнулся от двух разных вопросов с одинаковыми ответами: -

Что это? - Стол. - Как это называется? - Стол. И наметил в «Категориях» две стратегии исследования: указующий жест – вот оно, и название.

Повторюсь, начиная нечто с Библером, мы (я-то точно) никогда не знали, в каких дебрях окажемся, ибо переворачивалось, а иногда возмущалось (и нынешнее обсуждение это показывает) всё. Хотя Библер-то, говоря о начале, знал, он был перед нами в несколько выигрышном положении. Добавление «в несколько» важно. Он читал в докладе, например, то, что уже продумал, он был абсолютно ненасытный, был философ *par excellence*. Но именно потому, что – философ, по ходу дела менял мысль. Интересно было наблюдать его, когда он на минуту умолкал, что-то отчерчивал и начинал вновь – но ты уже не знал, продолжает он старое или говорит новое. Его мысль была открыта слушанию, хотя он, живший своей Школой, любивший Школу, ссылавшийся на Школу, в то время от многих из нас мало что путного выслушивал в устных беседах - больше «вычитывал» того, о чем мы и подумать не успели, а он тыкал пальцем в тот фрагмент, из которого могла вылезти достойная мысль, в том числе как ответ на его «начала».

На это – философское - дело начинания надо было отважиться, единственное, что заставляет отважиться, это знание, оно всегда кажется страшным и заведомо великим. Кант говорил: «*Sapere aude!*» – осмелся, отважься ну, думать, не думать, даже – мудрить, но осмелся! *Sapere* - это все же думать по-философски, отсюда «софия», да и Библерова Софья с теми же. Всегда проблемой выкладывается душа, все, что в душе, но этого физически сделать нельзя. Начинаешь, как в науке (о чем говорила Тамара Борисовна), что-то объективировать, чему-то давать определения, объяснения, и это вдруг, на глазах начинает замерзать. Когда выголашиваешься (термин Бахтина) весь, **это нельзя повторить**. Это, кстати, в большой степени ответ на вопрос, почему нет сейчас Библера - его нельзя повторить, вот в чем дело. Можно повторять и повторять эту идею начала, зазубрить, а повторить, т. е. пройти тот же путь заново, воскресить, нельзя. То, о чем говорил Библер, - однократно. Повторяешь, как правило, то, что понимаешь в этот момент, и не дай бог, в этот-то момент остановиться. В «*Вох*», например, мы в течение нескольких номеров печатаем заметки одного филолога, который писал о том, как были усечены многие крылатые выражения. Например, «Глас народа, глас божий» у Алкуина это звучало так: «Не следует слушать тех людей, что повторяют, будто голос народа это глас Бога, ибо буйство толпы всегда граничит с безумием». То есть перед нами нечто совершенно противоположное. Или я помню, как меня поразило, что у Декарта знаменитое «*Cogito, ergo sum*» продолжается «следовательно, и Бог есть», о чем почти никто не поминает. Помню я, как обрадовалась, когда прочла, что Поль Рикёр, оказывается, посвятил этому немало страниц, - столь невероятным показалось мне мое собственное открытие.

Я заметила, что о людях, которые сделали очень много в философии и в культуре, как и для того, что иногда называют «общим развитием», **мало что можно сказать вразумительного**. Чтобы было понято, не что именно они конкретно сказали, - это сделать легко, но это тут же превращается в некое позитивное знание, а - слово, которое сегодня у нас постоянно звучало – *как* они говорили то, что переворачивает твою душу, твои прежние мысли и замыслы, не уничтожая их, не переиначивая, не поправляя, а меняя.

Слово «меняя» - загадка. «Из-меняя»? – он, к примеру, изменил эту строчку, т. е. сделал нечто сосредоточеннее, напряженнее, но слово «изменить» можно понять и как «предать». Или «меняя» - т. е. «обменивая» одну вещь на другую, я - тебе, ты - мне. Логика всегда осуществляет учет таких значений, и ты уже не один, можно оглядеться, а это всегда уже опора и твердый расчет. Мы опираемся на логику, но эта логика тут же тебе подсовывает нечто иное, не вызывающее доверия. Человек, как мы знаем от Цицерона, - разумное живое существо. Но живое существо у Цицерона – бог. Потому Сенека его поправил: так определить нельзя, нужно определить «смертное разумное живое существо». Но смертное animal у Абельяра - уже осел. И это мы повторяем на протяжении столетий. Но четко понимаем, что логика - в эти моменты преобразований переставая быть формальной (Библер подчеркивал, как расплывчатывается понятие, я лишь привожу пример, как именно обнаруживается неизвестное в известнейшем), - есть, именно она тебя ведет, поскольку ты на это отвечаешь. Она (или они – логики) с тобой говорит, а раз она с тобой говорит - не все потеряно, иначе и говорить бы не стала, не стала бы быть опорой твоей мысли. Две вещи, по Ансельму, есть в наличии, позволяющие доказывать бытие предельного (у него написано «бытие Бога», но в принципе можно говорить и о «бытии предельного»: «Бог есть такое иное, о чем больше ничего нельзя помыслить», или «Бог есть такое иное, больше чего ничего нельзя помыслить»). Эти две вещи – вера и совесть. Вера, как она мыслилась этим христианнейшим из христиан (и не только им), – не суеверие и не то, что не требует доказательств: Ансельм-то доказывает! Вера, как он пишет, есть опора на понимаемое и нравственно-сознаваемое (conscientia – и совесть, и сознание, упакованные в одно слово). Но понимаемое и нравственное – одни из самых важных у Владимира Соломоновича, на понимание он постоянно ставил акцент. И я сейчас опускаю наш с ним давнишний спор о том, что вряд ли веру, так понятую веру, можно выкидывать из философии.

Теперь, если вернуться к формуле изменения мысли, которая при обсуждении может стать иной, то такая измененная мысль – полностью другая. Я не подсматриваю, я не списываю, я прислушиваюсь к сказанному, находясь под его контролем. И это заставляет меня быть строгой, ибо постоянно напряжение от вопроса, ожидающего ответа. При таком вопрошании, на глазах рождающем небывалую вещь, меняется «масса, скорость и направление движения» - эти слова Малевича, на мой взгляд, определили **философское движение** XX в. Речь именно о постоянной смене!.. Я думаю, это главное, остальное может объективироваться, исчезать, и многих мыслей нет потому, что они тоже все время меняются. Они у Владимира Соломоновича постоянно меняются, мы можем найти противоречия в его тексте едва ли не через страницу. Они иногда не успевают доспеть до полной схваченности-высказанности. Можно, входя, сказать : «Я в...» - что делаю? - «вчитываюсь» и радостно беседую сейчас с вами. А можно, входя и увидев вас, тоже сказать: «Я в...» - «выхожу». Остается какой-то остаток, и не обязательно сухой, а точный. «Хочется пе...», как сказал поэт о поэте, «то ли песен, а то ли печенья». И это свидетельствует, почему звук голоса, о чем вот мы сегодня говорили, интонация речи оказывают магическое действие. Звук голоса, впечатанный в текст Библиера, предельно выголашивающегося Библиера, слышен всегда, если тыходишь и радостно вчитываешься. А если вылетаешь или выходишь,

то и голоса нет. Но это значит, что Библерова идея трансдукции, о которой иногда говорят, что она не имеет логического обоснования, как раз предполагает Малевичево «время=0». Доведенное до *предела* понятие проходит через эту Малевичеву нулевую точку, точку *ничто*, *преодолеваем* ее, лишаясь при этом всего. В этот момент, в нуле, нет ничего – как логического, так и нелогического. Как говорил Библер, «логика вне текста не может быть предметом логического исследования, она, скажем определеннее, вообще не может быть предметом». Только пройдя через ноль, через *время=0* (я отвечаю этим и теме нашего Круглого стола, и специально Людмиле Артемьевне Марковой, которая сказала, что у Библера бóльшую роль играет пространство, чем время, хотя «хронотоп», это и Библерово слово, употреблявшееся, впрочем, со времен Августина, понятие логически определяется в иное, и мысленное и экзистенциальное. Трансдукция оказывается невероятно логическим предприятием.

Так можно ли четко и ясно передать концепцию (вот как мы сегодня пытаемся делать), которая постоянно находится в состоянии изменения, и не релятивистского, а безумного, невероятного продумывания. Если это продумывание остановится, мы тут же получим объективную научную картину мира, до которого нам, если и есть дело, то только в плане познания, иногда в чем-то помогающего, иногда устрояющего разум – Библер же обнаруживает совершенно иное, чем наука, состояние мысли. Впрочем, останавливать мгновение необходимо хотя бы для того, чтобы осознать огромный исторический, социальный, образовательный пласт, лежащий за нами и поддерживающий нас.

Но еще и вот для чего. Можно представить, конечно, что прошлого нет (а его нет), и идущее из того, чего нет, из будущего, тоже куда-то проваливается, т. е. и нас, получается, нет. И если нас нет, то кто, вообще-то, будет огород городить. Но прошлое есть не потому, что оно прежде нас, а потому, что мы - его хранители и устроители. (Это я пытаюсь ответить на вопрос об одновременности культур.) Нам и пытаться нет возможности жить без прошлого, не получится, потому что мы сами все время уходим, но и все время восстанавливаемся. Свойство человека к восстановлению это особое свойство человека. И Библер диалогикой, самим фактом удержания мысли и самим броском мысли вперед, понимал это человеческое свойство. И постарался его увековечить в том смысле, чтобы предельное его выговаривание продлилось через другое, сообщающее ему новую жизнь.

(Кстати говоря, Григорию Борисовичу был задан вопрос о возможности перестраивания формулы с «Я – другой» на «Иной – Я». Предстояние иного - оно же было в средневековой мысли. Не случайно Библер в книге «От наукоучения к логике культуры» делает почти центральной фигуру Николая Кузанского, хотя уделяет ей несколько страниц – правда, весьма сочных и интенсивных. У Кузанца, правда, речь идет о Неинном. Кардинал сумел через отрицание предъявить катафатическое определение Бога. Но Он, Сам по Себе, все же Иной относительно любого из нас. И у Ансельма Бог – *Aliquid*, не Нечто, а именно «такое Иное, больше чего нельзя себе помыслить». И, конечно, именно Иное постоянно провоцирует не только детерминацию, но и самодетерминацию. Это я говорю в скобках и скорее провокативно.)

Диалог предполагает обращенность к читателю, но это значит, что предполагается и смысл, заданный тексту читателем. Мы, читая, все время ходим между этими двумя смыслами, в этой двумирности, ибо, даже если мы хотим восстановить просто смысл и замысел писавшего (говорившего) и показываем, что именно он говорил, т. е. выполняем текстологическую работу, это значит, что мы понимаем этот текст и, значит, он зачем-то нам нужен, коль нам захотелось его прочесть. В самой этой научности есть интенция, внутренняя интенция со-беседования, со-работничества, со-дружости. Тут работает все – весь человек – с его желаниями, сердечным влечением, интеллектуальной потребностью... «Попробуйте меня от века оторвать, ручаюсь вам – себе свернете шею». Это повторял Библер за Мандельштамом. И это можно не повторять, ибо каждый раз мы не век имеем в виду, а час и минуту. «И Батюшкова мне противна спесь: Который час? его спросили здесь, а он ответил любопытным: Вечность». Не так уж, впрочем, плох и ответ Батюшкова: будущее, как и настоящее из вечности.

Идеи Библера «Диалог культур» в двух философских введениях в XXI век перестали для многих быть востребованы именно в начале XXI века не только потому, что идея культуры перестала быть центральным понятием. Но, наоборот, центральным стало понятие традиции в худшем своем варианте – как опора на нужную государству историю, как «скрепы», как патриотизм в глянцевого обертке и прочее. Может быть, эта стагнация – попытка выхода из нулевого времени и свидетельство того, что время ноль еще работает. Но если вспомнить, что именно в нулевое время совершается трансдукция, то и не за горами и возрождение диалогии. «Библер только начинается», - писал Вадик Рабинович. «Все еще впереди», - писал Ахутин. Спасибо.

Тищенко (показывает книгу): «Все еще только начинается».

Неретина: А откуда же я списала?

Тищенко: У меня припасена маленькая строчка из Марины Цветаевой на конец. Одно из ее первых стихотворений заканчивается так: «Моим словам, как самым лучшим винам, настанет свой черед».

Литература

- Библер В.С.* О системе категорий диалектической логики. Сталинабад: б/и, 1958
- Библер В.С., Арсеньев А.С., Кедров Б.М.* Проблемы развивающегося понятия. М.: Наука, 1967.
- Библер В.С.* Мышление как творчество. М.: Политиздат, 1975.
- Библер В.С.* Кант – Галилей – Кант. Разум нового времени в парадоксах самообоснования. М.: Мысль, 1991.
- Библер В.С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Прогресс, 1991.
- Библер В.С.* От наукоучения - к логике культуры. Два философских введения в XXI в. М.: Политиздат, 1991.

Библер В.С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.

Библер В.С. Замыслы: в 2-х т. М.: РГГУ, 2002.

Владимир Соломонович Библер. М.: РОССПЭН, 2009.

References

Bibler, V. *O sisteme kategorii dialekticheskoi logiki* [On the System of Categories in Dialectical Logic]. Stalinabad, 1958. (In Russian)

Bibler, V., Arsen'jev A., Kedrov B. *Analiz razvivajushegosya ponyatiya* [Analyzing the Evolving Notion]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 440 pp. (In Russian)

Bibler, V. *Myshlenie kak tvorchestvo* [Thinking as Creativity]. Moscow: Politizdat Publ., 1975. 399 pp. (In Russian)

Bibler, V. *Kant – Galilei – Kant. Razum Novogo vremeni v paradoxah samoobosnovaniya* [Kant – Galilee – Kant. The Modern Mind in the Paradoxes of Self-Validation]. Moscow: Mysl' Publ., 1991. 320 pp. (In Russian)

Bibler, V. *Mihail Mihailovich Bahtin, ili Poetika kul'tury* [Mikhail Mikhailovich Bakhtin, or the Poetics of Culture]. Moscow: Progress Publ., 1991. 176 pp. (In Russian)

Bibler, V. *Ot naukouchenija – k logikekul'turi. Dva filosofskih vvedeniya v dvadcat' pervij vek* [From the Science of Knowledge – towards the Logic of Culture. Two philosophical introductions to the 21st century]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 414 pp. (In Russian)

Bibler, V. *Na graniah logiki kul'tury. Kniga izbrannyh ocherkov* [On the Edges of the Logic of Culture. A Collection of Selected Essays]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo Publ., 1997. 423 pp. (In Russian)

Bibler, V. *Zamyshly* [Intents]. Moscow: RGGU Publ., 2002. 1184 pp. (In Russian)

Vladimir Solomonovich Bibler. Moscow: Rosspen Publ., 2009. 374 pp. (In Russian)

Гутнер Григорий Борисович (1960 – 2018) – Свято-Филаретовский православно-христианский институт. Российская Федерация, г. Москва, Покровка, 29. Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и гуманитарных дисциплин Свято-Филаретовского православно-христианского института, e-mail: goutner@yandex.ru

Длугач Тамара Борисовна – Институт философии РАН. Российская Федерация. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Доктор философских наук, главный научный сотрудник, e-mail: dlugatsch@yandex.ru

Маркова Людмила Артемьевна - Институт философии РАН. Российская Федерация. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, e-mail: markova.lyudmila2013@yandex.ru

Мурзин Николай Николаевич - Институт философии РАН. Российская Федерация. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Кандидат философских наук, научный сотрудник, e-mail: shywriter@yandex.ru

Тищенко Павел Дмитриевич – Институт философии РАН. Российская Федерация. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Доктор философских наук, главный научный сотрудник, e-mail: p.tishchenko@yahoo.com

Шеманов Алексей Юрьевич - Московский государственный психолого-педагогический университет, Российская Федерация, 127051, ул. Сретенка, д. 29. Доктор философских наук, профессор кафедры специальной психологии и реабилитологии факультета «Клиническая и специальная психология», e-mail: ajshem@mail.ru

Panel Discussion "Philosopher and Time. For the 100th anniversary of V.S. Bibler's birth (December 26, 2017)".

Moderators – S.S. Neretina, P.D. Tishchenko

Presentations:

Neretina S.S. – A Brief Outline of the Concept of Dialogue of Cultures

Tishchenko P.D. – The Bibler's Biography as the Experience of radical Choice of himself

Markova L.A. – About Bibler's Dialogic

Tishchenko P.D. – Rereading Bibler (reading as a reflection of meaning and/or its construction)

Gutner G.B. – On Universality, Text and Work

Shemanov A.Yu. – About Bibler's Understanding of philosophical Logic

Murzin N.N. – Dialogue of cultures and searches for new intelligent optics

Dlugach T.B. – Bibler: on the Doctrine of Science

Abstract: Recreating not only the way of life and thought of the outstanding philosopher of the twentieth century, Vladimir Solomonovich Bibler (1918-2000), but also the way of thinking of his disciples, associates, listeners who did not become his associates, whose composition of thinking is formed by what Bibler said, thought out, challenged by inner and outer dialogue with him, is an essential part of modern thinking. The participants spoke about the peculiarities of his work, about changing styles ("re-choosing oneself", as P.D. Tishchenko defined this state) throughout his life, about the problems of the "end of philosophy", the correlation between universality and necessity, I and the Other and, of course, about his "circle" - about the composition of his seminar "dialogue of cultures", about the project of the School "Dialogue of Cultures", about his published books and about philosophers, historians, historians of science, poets who were part of the seminar. His logic is the philosophical logic of culture, which is understood not as an archeology, not the content of past, established epochs or even our era, but the logic boundary, because the culture - this Bibler said after Bakhtin - has no own territory. Culture is the conjugation of the characteristics of each epoch, its inner focus in a certain reflection expressed through works.

Keywords: V.S.Bibler, culture, dialogue, science, dialog, thinking, saying, universal, individual, person, work